

Антон Леонтьев

Девять с половиной идей

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=431572
Девять с половиной идей: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-699-06683-7

Аннотация

Одна из них стала женой американского миллиардера, другая – наемным убийцей, выполняющим «заказы» по всему миру. Что их объединяет? Ольга и Инна – простые русские женщины, к которым судьба оказалась ох как не ласкова! И вот теперь ребенок одной из них похищен, а другая оказалась на скамье подсудимых за убийство мужа и свекрови... Инна знает о существовании Ольги, а та остается в полном неведении, ожидая вынесения трех пожизненных сроков за преступления, которых не совершала. Или все-таки совершала? Американский мир взбудоражен, с негодованием удивляясь, на что способна загадочная славянская душа. Но это еще не все – потому что вторая русская выходит из тени...

Содержание

Нью-Йорк, 12 сентября	4
Ольга	9
Инна	32
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Девять с половиной идей

Антон Леонтьев

Нью-Йорк, 12 сентября

– Таким образом, уважаемые господа присяжные, обвинение собирается доказать, что миссис Ольга Маккинзи намеренно убила своего мужа, мистера Клиффорда Маккинзи, ради денег. Это преступление ужасно не только тем, что подсудимая пренебрегла жизнью человека, подло втеревшись в доверие к одному из самых удачливых бизнесменов Америки...

– Ваша честь, – воскликнул адвокат подсудимой, – я протестую! Обвинение оскорбляет мою клиентку, вешая на нее ярлыки.

– Принимается, – кивнула судья Ида Джоунз. – Господин заместитель окружного прокурора, впредь избегайте подобных оценок. И ближе к делу.

– Да, ваша честь, – согласился обвинитель, вроде бы мирно склонив голову.

Но в глазах мистера Джейсона Мэрдока сверкнула обида. Еще бы, его перебили в тот момент, когда он наслаждался своей блестящей речью.

– Итак, господа, – продолжал он, подходя к барьеру, за которым располагались присяжные, вполне обычные люди, шесть мужчин, шесть женщин, среди них четверо афроамериканцев и один мексиканец, – самое ужасное в преступлении миссис Маккинзи не то, что она убила своего мужа, что мы и собираемся доказать вам, не то, что она сделала это ради денег, не скрою, очень больших денег, а то, что это произошло в нашей стране. Америка гордится своими демократическими устоями, и мы не должны позволять кому бы то ни было разрушать их. Если вы приезжаете к нам из-за границы, чтобы развивать бизнес, обогащать и себя, и нашу страну, то вам только рады. Вы это знаете по себе, господа присяжные, я вижу, что многие из вас сумели найти в США осуществление своей мечты о нормальной жизни. Но если вы приезжаете к нам ради того, чтобы промышлять преступлениями, убивать, распространять наркотики, заниматься совершенствованием порноиндустрии, то в таком случае вас ждет только одно. И это вам прекрасно известно. Это наказание за нарушение американского закона и порядка, того единственного и незыблемого, на чем стоит наше государство.

Закончив пассаж на резко звенящей ноте, заместитель окружного прокурора города Нью-Йорка Джейсон Мэрдок, следуя правилам сценического мастерства, сделал паузу.

Напряженная тишина воцарилась в здании суда, было слышно, как кто-то робко кашлянул, с передних скамей доносился скрип карандашей – представители крупнейших газет присутствовали на процессе, а из-за запрета съемок в суде они зарисовывали и обвиняемую, и представителей обвинения.

Довольный произведенным эффектом, Мэрдок, всегда склонный к театральности, резко развернулся и, глядя прямо в глаза пожилой негритянке в жюри присяжных, которую он с самого начала выбрал объектом внушения своих мыслей, громко произнес:

– Вместе с вами, господа присяжные заседатели, мы шаг за шагом воссоздадим картину того, что произошло в особняке на Гарден-Роуд девятого августа этого года. Вы сумеете убедиться, что мотив, возможности и желание убить Клиффорда Маккинзи были только у его жены, Ольги Маккинзи. Доказательства, представленные нашими криминалистами, заставят вас поверить в ее виновность. И потом, когда всяческие сомнения в этом отпадут, вы сделаете то единственное, что и должны сделать как честные граждане великой страны. Вы вынесете обвинительный вердикт, и мышеловка с треском захлопнется. Миссис Ольга Маккинзи просчиталась. Может быть, в нашей стране и есть недостатки, но нет несправедливости и предвзятого отношения к подсудимым. Миссис Маккинзи может рассчитывать на

справедливый суд, но это не означает, что за преступления не надо платить. Платить надо всегда. Обвинение не намеревается требовать смертной казни для миссис Ольги Маккинзи, убившей своего мужа. Мы будем милосерднее ее – однако остаток своей жизни она проведет в тюремном заключении... У меня все, ваша честь, – сказал Мэрдок, повернувшись к судье Джоунз.

Судья, проводшая не одну сотню судебных процессов, была также под впечатлением его речи. Похоже, Мэрдока ждет успех. Теперь ему остается только добиться от присяжных осуждения этой русской. И, кажется, с самого начала ему удалось заручиться их расположением.

Заместитель окружного прокурора Джейсон Мэрдок сумел найти то, что сплотило и пожилых бедных афроамериканцев, и среднего возраста белых, получающих в год тысяч по восемьдесят, и стилиста-мексиканца, представителя бомонда, вырядившегося в немыслимый кожаный пиджак желтого цвета. Он сумел донести до их сознания, что враг – это не несправедливая государственная система, что враг – вот он, на скамье подсудимых. И эта женщина, которую судье на секунду стало жаль, полностью соответствовала представлению среднего американца о враге. Во-первых, иностранка. Но не афроамериканка, латиноамериканка или китаянка. Русская. Сразу всплывает в памяти «империя зла», как однажды сказал президент Рейган, нестабильность в их стране, ядерные боеголовки без присмотра. Во-вторых, она богата. Очень богата. Для Америки богатство всегда было признаком успеха, но только в том случае, если им владеют американцы. А эта русская, которой нет и тридцати, вышла замуж за одного из компьютерных магнатов, миллиардера – он вполне мог достигнуть вершин Билла Гейтса – и хладнокровно отравила его.

«Хотела стать одной из нас! – вот что прочел Джейсон Мэрдок в темных глазах негритянки из жюри присяжных. – Не удастся! И не помогут тебе твои миллиарды, ты заслужишь только одного. Смерти!»

Америка на самом деле полна раздоров и противоречий, но если кто-то извне посягает на ее ценности, то вся страна мгновенно спланивается и дает отпор наглому пришельцу. Его могут просто растерзать.

Это и происходило с Ольгой Маккинзи.

– Ваша честь! – воскликнул адвокат обвиняемой, далеко не самый лучший, Арнольд Постейло. – Разрешите подойти к вам!

Судья Ида Джоунз, худая седоватая леди, кивнула.

– Мистер Мэрдок, вы тоже, – добавила она.

– Ваша честь, – заторопился с объяснениями Постейло, оказавшись около судьи, – я не понимаю, о чем говорит заместитель окружного прокурора. Он только что потребовал для моей подзащитной пожизненного заключения, хотя прекрасно знает, что это возможно только в отношении людей, совершивших особо тяжкое преступление. В штате Нью-Йорк таковыми считаются убийство полицейского, убийство с помощью пыток, убийство свидетеля уголовного процесса...

– Мистер Постейло, мы не на экзамене в колледже, – оборвал его Мэрдок. Его галстук от Хоффмана, как всегда, изумительно соответствовал расцветке пиджака. – Я думаю, ее честь не нуждается в пространных лекциях по праву. И я давно закончил Гарвард.

Арнольд Постейло опустил глаза, чувствуя, что покрывается потом. Черт возьми, когда же он научится держать себя с людьми! Этот Мэрдок просто давит на него. Теперь вот намекал, что Постейло ничтожество, ведь адвокат и в самом деле не заканчивал Гарвард.

– Избавьте меня и от ваших лекций, мистер Мэрдок, – парировала судья, надевая очки. – Действительно, в чем дело? Почему вы требуете пожизненного заключения, хотя, если не ошибаюсь, прокурор округа собирался требовать от пятнадцати до двадцати пяти лет?

– Все дело в том, ваша честь, – ответил Джейсон Мэрдок, – что в нашем штате, о чем забыл сказать уважаемый защитник, пожизненное заключение предусмотрено еще и за двойное убийство. А именно это прокуратура собирается инкриминировать Ольге Маккинзи.

– Что! – чуть ли не закричал Постейло, судорожно рванув узел галстука. – Что вы такое говорите? Какое двойное убийство! Ваша честь! – Он беспомощно посмотрел на судью Джоунз. Та переадресовала этот взгляд заместителю окружного прокурора.

– Именно так, – подтвердил Мэрдок, обнажая в улыбке белоснежные зубы волка, готового к смертельной схватке. – Наше ведомство намерено предъявить ей еще одно обвинение в убийстве. Причем оно тоже будет проходить по этому процессу. Так что пожизненное заключение вполне уместно.

– Но это же нарушает все правила, почему вы не предупредили нас... – попытался возразить Арнольд Постейло.

– Разве я обязан, ваша честь? – с неподдельным изумлением поинтересовался Мэрдок у судьи Иды Джоунз. – Кроме того, уважаемый мистер Постейло, вы плохо просматриваете собственную почту. Например, я увидел, что на вашем столе лежал конверт с официальным уведомлением от прокуратуры, но вы даже не удосужились его вскрыть.

Судья Джоунз не особо жаловала Джейсона Мэрдока, но тот был абсолютно прав. Впрочем, как всегда.

– Я, я... – стал неизвестно зачем оправдываться Арнольд Постейло, – я хотел его вскрыть, но отсутствие времени...

– Отсутствие времени будет стоять вашей клиентке свободы, – нанес еще один удар Джейсон Мэрдок.

– Мистер Мэрдок, – прервала его судья, – в убийстве кого конкретно вы собираетесь обвинить миссис Маккинзи? В этом деле всего один убитый человек – ее муж.

– Прокуратура Соединенных Штатов предъявляет ей обвинение в убийстве своего мужа Клиффорда Маккинзи, а также его матери миссис Элеоноры Джоанны Маккинзи.

– Но это же ерунда! – закричал потрясенный адвокат. – Его мать умерла чуть больше двух с половиной месяцев назад, официальное заключение – сердечная недостаточность.

– У убийства нет срока давности, мистер Постейло, позвольте напомнить это, если вы забыли, – ответил Мэрдок. – Я намерен доказать, что Ольга Маккинзи истребила целую семью.

– Но ваша честь... – попытался заикнуться Постейло.

– Мистер адвокат, ничем помочь не могу. Если будет нарушен закон, то и вы, и суд сразу же заметят это. Пока нарушений нет.

Затем судья Джоунз ударом деревянного молоточка призвала зал к порядку, потому что пресса, воспользовавшись ситуацией, попыталась проникнуть к подсудимой и взять у нее мини-интервью.

– Требую тишины! – воскликнула Джоунз. Зал мгновенно стих.

– Ваша честь, – произнес вернувшийся на место Арнольд Постейло, – прошу сделать перерыв в заседании суда до разъяснения всех возникших неясностей. То, что сказал заместитель прокурора...

– Принято, – ответила судья Ида Джоунз. – Суду тоже нужно разобраться во всем, что сейчас сообщил нам мистер Мэрдок. Поэтому заседание откладывается на три дня, до десяти часов пятнадцатого сентября. – Еще один удар молоточка подтвердил это решение суда.

– Да, ваша честь, – улыбнулся Джейсон Мэрдок.

Его главная цель была достигнута. Этот лопух Постейло сам попросил о переносе заседания, причем на целых трое суток. Этого времени с лихвой хватит, чтобы добыть последнего свидетеля и самые явные доказательства злого умысла со стороны Ольги Маккинзи. Приятно все-таки иметь дело с неучами типа Постейло. И почему Маккинзи при ее деньгах

не наняла самого лучшего адвоката? Но это и хорошо, сей процесс – последняя ступенька, которая приведет его, Джейсона Мэрдока, в кресло прокурора округа. Но и там он задерживаться не намерен. Государственный прокурор Соединенных Штатов Джейсон Мэрдок, разве плохо звучит?

Он направился к выходу, готовясь дать обстоятельное интервью корреспондентам ведущих газет и телекомпаний, осаждавшим зал суда. Еще один штрих – и никто не поверит этой русской. Спасти ее может только чудо. Но такое, разумеется, не произойдет.

Арнольд Постейло с бьющимся сердцем, вытирая пот со лба, опустил на стул рядом со своей подзащитной. Ольга Маккинзи была очень привлекательна – великолепная фигура, но главное, роскошные выющиеся темные волосы и глаза цвета океана, около которого жил еврейский мальчик Арни Постейло до того, как его семья переехала в Нью-Йорк.

– Все будет хорошо, – сказал он Ольге.

Та повернулась к нему. Сегодня она была неотразима в темно-зеленом платье.

– Не надо, мистер Постейло, – с едва уловимым акцентом произнесла она. – Я все поняла. В чем еще они хотят обвинить меня?

Адвокат собрался было утешить ее дежурными фразами: мол, все под его полным контролем, но вместо этого, вздохнув, опять стал вытирать лоб. Сентябрь выдался чрезвычайно жарким.

– Мэрдок хочет вашей крови, миссис Маккинзи. Они обвинят вас не только в отравлении мужа, но и в убийстве его матери.

– Боже мой! – простонала Ольга. Она запустила руку в копну волос, ее старая привычка, от которой она никак не могла избавиться.

Постейло взглянул на Ольгу. Адвокат был потрясен, в ее глазах мелькнул страх. Он-то с самого начала сомневался в правдивости ее слов о том, что она непричастна к смерти мужа. Предлагал ей сделать признание в непредумышленном убийстве или убийстве в состоянии аффекта. Но Ольга была непреклонна. А ее версия событий того дня, девятого августа, выглядела слишком наивно и неправдоподобно. Но Арнольд все-таки заставлял себя верить ей. А теперь, когда заметил, как на нее подействовал новый пункт обвинения, вдруг с ужасной ясностью осознал, что она виновна. Она боится. А бояться может только преступник. Хорошо, что присяжные не видели ее в таком состоянии, они и так настроены по отношению к ней враждебно, особенно женщины, которые мстят ей за красоту, ум, за то, что вырвалась из серой жизни. И за богатство, огромное богатство. Состояние Клиффорда Маккинзи, которое он оставил единственной наследнице – жене, – достигает четырех с половиной миллиардов долларов. Кто поверит, что она равнодушна к таким деньгам.

– Мы справимся, – мягко сказал он, сам не веря в это. – Мы победим.

Ольга закрыла глаза. Сейчас ее уведут. Неужто когда-нибудь этот кошмар закончится? Разве только тогда, когда ей в вену вставят иглу, по которой подадут смертельную дозу снотворного? Разве только так... Уж лучше мгновенная смерть, чем пожизненное заключение. Где же Стивен, почему его нет? Неужели все кончено?

– Миссис Маккинзи, вам пора, – отвлек ее от мыслей Арнольд Постейло, увидев приближающихся полицейских. Это означало, что ее снова отправят в тюрьму Райкерс.

Ольга поднялась. В ее взгляде одновременно были вызов и отчаяние. Как она одна может бороться против всей Америки? Они ведь не поверят, что она невиновна. Порой Ольга сама забывала об этом. Но не она отравила Клиффорда, хотя порой ей хотелось сделать это, и не она убила его мать. Но кто ей поверит? Никто. Остается ждать, когда все закончится и ее поглотит вечность. Вот итог ее жизни, дороги длиной в двадцать восемь лет.

А как все начиналось... Нет, не хорошо, ужас был всегда, он сопровождал ее с самого раннего детства, ее, маленькую девочку Ольгу Суворову, родившуюся в небольшом городке в Ленинградской области.

Ужас был всегда. Но теперь он стал реальным. Чересчур реальным.

Боже, но где же Стивен?

– Миссис Маккинзи, – обратилась к ней женщина-полицейский, которая утром привезла ее из тюрьмы. Это означало одно – обратно в Райкерс. Ей, выросшей в Советском Союзе, было не так неприятно в комфортабельной тюрьме, как другим заключенным. Но все равно это был застеноч.

Остается только надеяться. Три дня. А потом опять суд. Неужто ей никто не поможет и она совсем одна, как тогда... Тогда...

Ольгу увели, а Арнольд Постейло остался в пустеющем зале суда.

Ольга Советский Союз, 1975—1988

Оля в очередной раз подошла к окну и с надеждой посмотрела вниз. Мама все еще не было. Когда же она придет!

Несмотря на то, что Оле было всего пять с половиной лет, она считала себя уже большой девочкой. Она умеет, например, готовить. Конечно, не так, как мама, когда у той хорошее настроение, но Оля уже научилась жарить яичницу и делать салат.

Обычно мама возвращалась с работы около шести вечера, но очень часто ее вызывал по телефону директор, так говорила мама, и ей приходилось работать в ночную смену.

Тогда мама просила остаться с Олей соседку тетю Машу или сама приводила дочку к ней. Многоподъездную пятиэтажку постройки хрущевской эры населяло огромное количество жильцов. Но, конечно, самой лучшей была тетя Маша.

Она такая хорошая, всегда веселая, никогда не наказывает своих детей, несмотря на то, что у нее и ее мужа дяди Саши их целых шесть. Оля знала, что им за это дали трехкомнатную квартиру, и многие соседи, особенно старушки на лавке, часто поминали это как совершенно несправедливый факт, добавляя, что много ума не надо, чтобы нарожать шестерых, а вот воспитать их! При этом они всегда жаловались, что сами проработали на заводах или в колхозах по сорок лет, а им никто не даст большую квартиру, а какой-то вечно беременной сразу же выделили такую жилплощадь.

Оля не все понимала из того, о чем говорили старушки, вечно злобные и завистливые. Она только знала, что они плохо отзываются о тете Маше, которую девочка считала второй мамой.

Оля уже несколько раз пыталась спросить мать, где же ее папа, но та всегда как-то грустнела и переводила разговор на другую тему. Оля не настаивала, хотя ей было очень интересно узнать, где же ее отец, который обязательно должен быть похож на дядю Сашу – такой же сильный, всегда находящий время для своих детей.

А у мамы времени почти никогда не было, но Оля от этого не переставала любить ее. Ей только хотелось узнать, кто же ее отец. Эту тему она затронула не сама, просто в детском саду, откуда ее обычно забирала все та же тетя Маша, воспитательница как-то сказала, что надо уважать любую профессию, главное – это приносить благо Родине. А потом она попросила детей сказать, кем работают их родители. Каждый с гордостью сообщал о профессии отца и матери. Сережа, например, пыжась от того, что знает такие слова, сказал, что его папа – кандидат технических наук. Воспитательница каждого хвалила, смеялась вместе с детьми. Когда же очередь дошла до Оли, то она, тоже гордая за свою маму, заявила на всю игровую комнату, что ее мама – медсестра.

– А папа? – задала вопрос воспитательница.

Оля не ответила, а только опустила глаза. Она видела, что друзья смотрят на нее, при этом воцарились тишина, словно каждый ждал только ее ответа. У Оли не было папы, но она не хотела об этом говорить, потому что боялась, что другие дети будут смеяться. Раньше она никогда не задумывалась о том, что у нее и у ее мамы нет никого, похожего на дядю Сашу.

– А у нее нет папы, – произнес кто-то из детей.

Воспитательница постаралась замять эту неловкую сцену, стала что-то весело говорить, декламировать стихи, но Сережа, который был самым одаренным мальчиком, крикнул так, чтобы слышали все:

– А моя мама говорит, что у тех, у кого нет отца, семья неполная! Они незаконнорожденные!

Поднялся крик, воспитательница вскочила на ноги и попыталась стукнуть мальчика. Никто толком не понял, что означает «незаконнорожденный», однако это звучало противно и гадко. Что-то плохое, и это плохое было связано с Олей.

Оля запомнила, что тогда никто не смеялся. Все смотрели на нее с каким-то доселе незнакомым чувством. Это было презрение. Девочка поняла, что ее презирают за то, что у нее нет папы.

Она чувствовала на себе взгляды своих друзей, с которыми только что играла в мозаику или одевала кукол, а те, окружив ее кольцом, стояли молча и смотрели. Тогда Оля побежала в спальню, улеглась в свою кровать и стала плакать.

К ней никто не подошел, воспитательница, только заглянув, исчезла.

Когда Оля вышла обратно к группе, ее перестали замечать. С ней больше не играли, другие дети сторонились ее. А когда пришли родители, каждый ребенок что-то обязательно шептал своей маме или, хуже того, папе.

А Олиной мамы не было, пришла тетя Маша, у которой Оля потом, по дороге домой, и спросила, почему у других детей есть папы, а у нее нет. И что такое незаконнорожденный.

Тетя Маша, веселая, полная блондинка, сжала ее руку и сказала:

– Глупости, Оленька, не слушай их. Это сплетни, как и то, что говорят старухи про меня и моих малышей, сидя около подъезда. Они хотят сделать тебе больно, но ты не давай им понять, что чувствуешь боль, и ни в коем случае не плачь. Им только этого и надо. Будь сильной. А папы у тебя нет, потому что он не самый лучший человек. И обещай мне, что ты всегда будешь любить свою маму, несмотря ни на что. Она делает все, чтобы вам жилось хорошо, запомни. Есть много людей, которые рады причинить боль, но ты не поддавайся.

Оля расплакалась второй раз за день, прижавшись к тете Маше, а та обняла девочку. И именно в этот момент Оля пообещала себе, что никогда не бросит свою маму, которую она любит больше всего на свете.

Мамы все еще не было, хотя она обещала в это время быть дома. Неожиданно зазвонил телефон, и его трель испугала Олю. Она еще никогда не брала трубку сама, хотя много раз видела, как ее мама говорит по телефону.

Звон продолжался, и Оля шагнула к темно-красному аппарату. Она сняла тяжелую трубку и сказала:

– Да.

На том конце провода воцарилось молчание, кто-то сопел, а затем мужской голос, похожий на тот, каким вечно курящий папиросу дворник Федя кричал на детвору, произнес:

– Эй, позови маму. И быстро! У меня к ней заказ.

– Ее нет дома, она еще не вернулась из больницы, – сказала Оля, зная, что мама работала в большой клинике в центре их городка. Правда, она ни разу не брала дочь с собой на работу, хотя Оля много раз просила ее об этом. Но та отказывалась, она умела быть непреклонной, когда хотела.

– В какой больнице, детка? – произнес хриплый голос. – Где она шляется? Когда завалится домой, передай, чтобы срочно связалась с Юрием. Ты поняла?

– Да, – ответила Оля, хотя ей совсем не нравился голос этого человека и то, как он говорит о ее маме. Но она была послушной девочкой. Она обязательно передаст маме, когда та придет домой.

– Ну, хоккей, – отозвался мужчина, и в трубке послышались отрывистые гудки.

Едва девочка положила трубку, как услышала, что замок в двери открывается. Это была мама.

– Здравствуй, доченька, – проговорила та, входя. – Я в магазине в очереди стояла, там давали зеленый горошек, вот, нам и тете Маше взяла.

Оля подошла к маме, одетой, как обычно, в клетчатое красное пальто. Ему завидовали многие соседки, например, тетя Лариса, жившая этажом выше, она, вечная модница, упрашивала маму продать пальто, а услышав отказ, допытывалась, где та сумела его купить.

– Такого в наших магазинах нет, – говорила она, пуская в потолок струю дыма из тонкой сигареты, – разве что в валютных. Ну, признайся, ты его там брала? А откуда чеки? Может, у тебя и доллары есть? Если что, обращай ко мне, я тебе по выгодному курсу обменяю.

Пальто мама так и не продала, а тете Ларисе ответила, что купила его случайно в универмаге, там их выкинули всего несколько штук, и она оказалась первой у прилавка. Но соседка, скривив узкие губы и приподняв выщипанные брови, явно ей не поверила и, фыркнув, удалилась.

– Тебе звонил Юрий, – сказала Оля, наблюдая за тем, как мама выгружает из сумки банки с консервами и другие продукты. Рука мамы дрогнула, она, обернувшись, испуганно спросила:

– Оленька, что он сказал?

– Что у него есть для тебя работа...

Мама бросилась к телефону, набрала номер, захлопнула дверь на кухню. Но Оля все-таки услышала разговор.

– Алло, гостиница, Юрия Алексеевича, пожалуйста. Да, подожду... Алло, это ты? Как ты смеешь звонить мне домой и тревожить дочь, зачем ты ей открытым текстом... Да, да, поняла... Скоро буду... Но все-таки, кто это?.. Хорошо, выхожу.

– Доченька, я сейчас пойду на работу, меня срочно вызывают, тяжелый больной, – проговорила мама, выходя из комнаты. Она уже переодела платье. Теперь на ней было длинное, с цветами, которое пахло духами и так нравилось Оле.

– А ты надолго, мама? Это ваш директор звонил? Он мне не понравился, какой-то злой...

– Он никому не нравится, Оленька, – вздохнула мама. Ее взгляд был каким-то обреченным. – Я буду поздно, поэтому сейчас отведу тебя к тете Маше.

– Не хочу! Мама, возьми меня с собой, я буду тихо сидеть, не помешаю тебе. Ты уже столько раз обещала показать мне больницу изнутри, а все время обманываешь...

– Замолчи, Ольга! – воскликнула мама. Она никогда не называла дочь полным именем, и это могло означать только одно – она чрезвычайно рассержена.

Оля не стала больше просить, только надулась и не дала маме руку, когда та отвела ее в квартиру на том же этаже к тете Маше. Соседка, выйдя на звонок, лишь покачала головой. Тетя Маша была в фартуке, она пекла пироги для своего большого семейства.

– Кира, и когда же это все прекратится? – зашептала она.

– Машенька, возьми ее к себе, – произнесла мама. – Я надолго, если что, то отведи ее и в сад. Ты же понимаешь.

– Ну зачем? – опять начала тетя Маша. – Неужто ты не понимаешь, что это окончится плохо. Если хоть кто-то узнает, то...

– Но ты же знаешь, – возразила мама.

– Я – это другое дело, – тихо сказала тетя Маша, вытирая руки о фартук и привлекая к себе Олю. – А вот если другие...

– Ладно, я бегу, – проговорила мама. И добавила: – Маша, иначе прожить нельзя. И тебе, и мне. Вот еще немного, и тогда сможем переехать с доплатой в Ленинград...

– Это «еще немного» длится уже пять лет. – Тетя Маша обратилась к Оле: – Попрощайся с мамой, Оленька.

Но девочка отвернулась, уткнувшись в покрытый мукой халат тети Маши. Мама накричала на нее, и притом ни за что. Оля не хочет говорить с ней. Она ощутила, как мама ласково поцеловала ее в волосы, а затем послышались торопливые шаги по лестнице.

У тети Маши было хорошо. Сначала они наелись теплых пирожков с чаем, потом вместе с ее двумя дочками, ровесницами Оли, играли в куклы. А потом пошли спать.

Оля не знала, сколько было времени, но за окном царил тьма. Значит, еще ночь. Кто-то настойчиво звонил в дверь, не прерываясь, тревожа всю квартиру. Дядя Саша, накинув рубашку, пошел открывать, спросил, кто это. Услышав ответ, открыл. Потом раздались приглушенные голоса, чье-то всхлипывание. Оле показалось, что она узнала голос мамы.

Девочка спустилась с двухъярусной кровати, сооруженной дядей Сашей. Она открыла дверь из детской и прошла в освещенный коридор. Дверь в гостиную была распахнута, там сутилась тетя Маша, держа в руках какие-то бинты, все в крови, на полу стоял большой эмалированный таз, в котором плавали окровавленные тряпки. Кто-то лежал на диване, и его заслонял дядя Саша.

– Олечка, иди спать, – произнесла тетя Маша, увидев девочку. На ее лице было выражение крайнего испуга. – Детка, иди, у нас тут свои дела.

– Я хочу видеть ее, – услышала Оля с дивана слабый голос мамы. И она бросилась вперед, оттолкнув дядю Сашу.

На диване лежала мама. Бледная, с темными кругами под глазами, с растрепанными волосами, вся какая-то безвольная и апатичная. Одежда на ней была частично разодрана, а платье, особенно его низ, пропитан кровью. Красное пальто валялось тут же, прямо на полу, и на его подкладке также отчетливо проступало влажное пятно.

– Мама, что с тобой? – закричала Оля. Руки мамы, скользкие и влажные, прижали ее голову к своей груди. Она дышала редко и глубоко.

– Запомни, Оля, – еле слышно сказала она, – все, что будут говорить про меня, правда. Но это не главное. Главное – это то, что я люблю тебя. Всегда любила и буду любить. Пока жива.

– Мама, что с тобой?! – Оля испуганно прижималась к маме.

Однако дядя Саша оторвал ее от дивана и, сопротивляющуюся, отнес на кухню.

– Посиди здесь и не мешай, – строго сказал он. – Если мы сейчас не поможем, то твоей маме будет очень плохо.

Оля замолкла и стала ждать.

Ждать пришлось не очень долго, хотя время тянулось бесконечно. Тетя Маша сходила в их квартиру, чтобы вызвать «Скорую помощь», так как на всей лестничной клетке телефон был только у них.

– Мария, я тебе говорю, не надо! – произнес дядя Саша вслед жене. – Что ты делаешь, ты и ее под монастырь подводишь, и, главное, нас. Что скажут люди!

Но тетя Маша, не слушая его, все-таки отправилась вызывать медиков. Оля не поняла, что дядя Саша хотел сказать, но его раздраженный тон испугал ее. Он не разрешал ей быть с мамой, не хотел, чтобы вызвали «Скорую помощь». А Оля видела, что маме плохо, она вся в крови.

Сама не понимая, что делает, Оля побежала обратно в гостиную, но стоявший в дверях дядя Саша не пустил ее, ударил по лицу. Оплеуха была тяжелой и очень жгучей. Олю никогда никто не бил, но от неожиданности и страха за мать она не заплакала.

– Пустите, я хочу к маме, – повторяла она, пытаясь протиснуться между косяком и животом дяди Саши.

Но тот зло посмотрел на нее, сильной рукой сжал за локоть и потащил в ванную. Закрыв там девочку, он произнес:

– Сиди и не кричи. Понятно? А Марии не смей ничего говорить, не то будет плохо. Не отвлекай нас, а то мать твоя помрет.

Оля затихла. В темном узком помещении было страшно, там царил затхлый запах плесени и сырости. Оля вообще боялась находиться в закрытых комнатах без света, но ради мамы она была готова на все. Главное, чтобы не произошло то, о чем сказал дядя Саша. Мама не может умереть.

Девочка точно не знала, что такое умереть. Умереть – это означало для нее слезы, оркестр около подъезда, когда очередная старушка покидала этот мир, женщины в черном и цветы, раскидываемые из грузовика. Это было что-то плохое. Какая-то прогулка, с которой никто никогда не возвращается.

Через некоторое время, когда Оля уже привыкла к темноте, она услышала, как в дверь отрывисто позвонили. Кто-то открыл, раздалось голоса, на этот раз не приглушенные, а громкие. Приехала «Скорая помощь».

Оля старалась уловить все, что будут говорить, но слышала только обрывки фраз, ничего ей не говорившие:

– Изнасилование.... Маточное кровотечение... Жестоко избита... Срочно в больницу...

В больницу! Значит, маме так плохо? Неужто ей будут делать операцию? Но ведь мама такая молодая, почему она заболела? И отчего так много крови?

Единственное, что Оля смогла услышать еще, так это тихий разговор тети Маши и дяди Саши. Он успокаивал жену, одновременно сам повышая на нее голос:

– Мария, я запер ее в ванной. Она была в истерике, брыкалась. Нет, ты что, я ее пальцем не тронул, ну ты что?

Тетя Маша что-то ответила, но что именно, Оля не расслышала. Наверное, они разговаривали на кухне, расположенной в непосредственной близости от ванной.

– Об этом не может быть и речи, – громко произнес дядя Саша. – У нас своих шестеро, куда нам еще одну. Тем более, я понял бы, если б своя, а то какая-то со стороны...

Тетя Маша опять заговорила, причем муж несколько раз пытался перебить ее, но ему это не удавалось, и он замирал на полуслове. Наконец все-таки вставил:

– Хорошо, но ты осознаешь, как это отразится на моей репутации? Конечно, если б это был ребенок из детского дома, нас поняли бы. Но Оля... Ее мать проститутка, и ты это знала и не поставила меня в известность. Если начальство на заводе об этом проведает, то меня точно не сделают главным инженером, и по партийной линии будет проработка. Нет, нет и еще раз нет! Нам собираются выделить новую квартиру, а если мы возьмем эту девчонку, которую мать прижила от всех этих фарцовщиков или как их там, то нас осудит общественность. Подумай о собственных детях, Мария! Наверняка у нее есть тетка или какая-нибудь бабка, это не наша проблема. Ну и что, если мать окочурится, то и в детский дом пойдет, ничего.

Дальше Оля услышала какой-то глухой звук, похожий на удар. Недовольный голос дяди Саши произнес:

– Истеричка, ты что творишь! В квартире врачи, еще увидят. Но мы об этом позже поговорим, пошли, и скажи, чтобы ее обязательно забрали в больницу, нечего нам ковер в крови пачкать. Ясно, Мария?

Оля теперь поняла, что она очень не нравится дяде Саше, он не любит ее, но ничего поделать не могла. Не любит он и ее маму, которую назвал каким-то длинным и неприятным словом. Но она ведь медсестра, а никакая не проститутка. И что это вообще такое? Надо спросить у мамы, когда она выздоровеет.

Но спросить у своей мамы Оле больше ничего не пришлось. Потому что мама скончалась тем же весенним утром в городской больнице. Девочка проснулась на полу в ванной оттого, что кто-то открывал дверь. Она не помнила, как заснула.

– Оленька, – сказала, входя, тетя Маша. Она была одета почему-то в темное платье, а волосы забраны в пучок. Было видно, что она плакала, а морщины около глаз стали резче. – Оленька, вставай, солнышко. Мне надо тебе что-то сказать.

Оля быстро поднялась. Она поняла, что с мамой произошло что-то нехорошее. Скорее всего, ей придется сделать операцию. А это больно.

Они прошли в гостиную, где еще оставались следы ночного кошмара. Неубранные кровавые простыни и бинты, мамино скомканное красное пальто валялось в углу, а на нем был рассыпан пепел. Значит, здесь кто-то курил. Неужели дядя Саша, который раньше всегда делал это на лестничной клетке?

Оля обняла тетю Машу. Та, прижав ее к себе, сказала медленно и четко:

– Милая моя, я не хочу скрывать от тебя правду. Не надо никаких сказок о том, что мама в командировке.

– А что с ней? – спросила девочка, отстраняясь от тети Маши.

Та отвернулась, пряча от Оли глаза. В коридоре раздались детские голоса, это просыпались остальные члены семьи.

– Оля, она умерла, ее больше нет с нами, – тихо проговорила тетя Маша и вдруг заплакала.

Оля ошеломленно посмотрела на нее. Тетя Маша ошибалась, мама не могла умереть, это происходит только со старыми и некрасивыми, но не с ее мамочкой. Такого быть не может.

– Поплачь, детка, – тетя Маша попыталась привлечь ее к себе.

Но Оля вырвалась и отошла в сторону. Она не верила ей. Это все неправда.

– Где мама? – не по-детски серьезно спросила она.

Тетя Маша вытерла глаза и посмотрела на внезапно повзрослевшую девочку.

Оля не плакала. Она не плакала и в тот день, когда хоронили маму. Шел мелкий дождь, и совсем немного соседей вышли из дому, и никто, кроме тети Маши и ее детей, не решился поехать на кладбище.

Оля видела, что тетя Лариса, хотевшая купить мамино пальто, косо смотрела на гроб, где лежала такая незнакомая мама, утопая в красных и розовых гвоздиках. Несколько старушек о чем-то шептались, одна из них с притворной улыбкой погладила Олю по голове и, повернувшись к своей собеседнице, прошептала:

– А ведь была такой вроде приличной, ан нет, оказалась из этих, из проституток.

– Моя мама не проститутка! – закричала Оля. Это слово было противное, как жаба.

Старушки только переглянулись, поджав губы, и отошли к подъезду. Теперь Оля услышала и слово «незаконнорожденная».

Дядя Саша на похороны не пришел, у него было какое-то важное совещание на заводе, но Оля не жалела об этом.

Гроб на веревках быстро опустили в могилу, забросали землей. Скоро около ограды возвышался только свежий утрамбованный холмик, на котором сиротливо лежал страшный венок из железных и пластмассовых цветов. От тети Маши.

А потом Оля переехала к тете Маше, которая относилась к ней как к дочери. Дядя Саша сначала избегал Олю. А вечерами, когда девочка играла с их детьми, взрослые о чем-то спорили на кухне, причем дядя Саша всегда выходил после этого красный и злой, и, если Оля случайно попадалась ему на пути, он грубо отпихивал ее, делая какое-нибудь замечание, или говорил:

– Ну, что встала на проходе, иди прочь!

Он даже не называл ее по имени.

Однако через несколько дней все вроде бы успокоилось. Дядя Саша побывал в их квартире, принес оттуда телевизор, какие-то вещи, а также мамины драгоценности – сережки, цепочку с сердцем, несколько колец. После этого и состоялся их разговор с Олей. Тети Маши дома не было, она ушла на рынок за продуктами.

Дядя Саша вызвал девочку на кухню. В квартире оставалась только самая младшая, Тоня, ей не исполнилось и полутора лет, остальные были или в детском саду, или в школе. Никто не мог слышать, о чем они говорят.

– Итак, ты станешь членом нашей семьи. Мария настояла. Но учти, я это не одобряю, мне ты не нужна. Это причуда моей жены, из-за любви к своей лучшей подруге. А по мне, шла бы ты лучше в детский дом.

Оля не понимала, почему дядя Саша так невзлюбил ее. Когда мама... когда мама была жива, он был не против, чтобы Оля проводила с его детьми многие часы.

– Но учти, ты не посмеешь вести себя так, как твоя мать. Ты ведь знаешь, что она была проституткой. Запомни, проституткой. Никакой не медсестрой, а шлюхой. Ты этого слова не знаешь, но когда вырастешь, то поймешь. Это позор!

– Неправда, – попыталась возразить Оля, – мама хорошая, она...

– Не перебивай. Или тебя никогда не учили, что это неприлично? – Дядя Саша возвышался над ней. – Твоя мать *была* хорошей, запомни, ее больше нет. И хорошей была она для своих клиентов, с которыми спала. За деньги или, может, ради удовольствия. И кто-то из них, из хачиков, просто изнасиловал ее, и от этого она сдохла. Туда ей и дорога...

Оля не поняла, о чем говорит дядя Саша, но, судя по его ехидной улыбке, это было что-то плохое.

– Но у нас ты будешь себя вести, как все советские дети. Я дам тебе шанс исправиться и забыть о том, что у тебя когда-то была мать-проститутка. Если ты хоть раз произнесешь ее имя или посмеешь ходить на могилу, то, во-первых, я накажу тебя, а во-вторых, ты отправишься в детдом, где много пауков, сырых подвалов, злых учительниц. Там тебя будут бить, кормить из помойки и ночью сажать на цепь.

Оля была готова заплакать, но дядя Саша схватил ее за руку. Он задышал ей в лицо горячим и противным воздухом.

– Но если будешь вести себя хорошо и делать то, что я тебе прикажу, то останешься у нас. Учти, ты никогда не расскажешь тете Маше об этом, иначе будет плохо не тебе, а ей. Ты поняла, ей. Ты же не хочешь, чтобы твоей новой маме было больно?

Он сжал ее локоть. Оля не шелохнулась.

– Ну, отвечай быстро, поняла?

– Да, – прошептала девочка. Она не хотела ни в сырой подвал к паукам, ни того, чтобы добрая тетя Маша страдала. Она никому ничего не скажет. Никогда не скажет.

– Ну и молодец, – отпустил ее новоявленный папа. – Мы тебя удочерим. Может быть, мне на заводе все-таки выделят четырехкомнатную квартиру в новом доме. Учти, ты должна быть благодарна мне и Марии. Особенно мне, так как именно я разрешил, чтобы ты осталась у нас на хлебнищей, а не отправилась в детский дом. Поняла?!

Оля поняла. Через пару месяцев, уже в начале лета, она официально стала членом семьи Суворовых, а тетя Маша и дядя Саша стали ее родителями. Тетю Машу Оля сразу стала называть мамой, а вот ее мужа она никак не называла, впрочем, как и он ее.

Дяде Саше Суворову правление завода, на котором он ударно трудился, ближе к Новому году выделило благоустроенную четырехкомнатную квартиру в новом шестнадцатизэтажном доме. Туда-то и переехала вся семья, в том числе и Оля Суворова.

В новой квартире оказалось куда больше места для всех. Дядя Саша при жене и старших детях относился к Оле достаточно хорошо, хотя по вечерам, когда возвращался с работы

в плохом настроении, он говорил, что еще один ребенок – это и лишний рот, и проблемы, и позор. Однако тетя Маша реагировала на его слова как-то отстраненно, она привыкла к тому, что муж всегда находит причину для брюзжания.

Она же относилась к девочке хорошо, но, несмотря на то, что проводила дома практически все время, будучи еще в декретном отпуске по уходу за младшей дочерью, тетя Маша не замечала, как настроен ее муж по отношению к их новому ребенку. Она считала, что все страсти скоро улягутся, но не тут-то было.

Через полтора года после смерти мамы Оля пошла в школу. Было плохо, что в классе с ней не учился никто из детей тети Маши, несмотря на то, что ее ровесница, Женя, тоже в этом году отправлялась в первый класс. Но именно дядя Саша настоял, чтобы его дочь пошла в спецшколу с углубленным изучением английского языка, а Оля была зачислена в обыкновенную среднюю школу.

На первую линейку все дети пришли с родителями, некоторых сопровождали даже бабушки и дедушки, все были радостные и веселые. А накануне у дяди Саши состоялся крупный разговор с женой касательно того, к кому идти на линейку.

– Я не понимаю, – говорил он, – почему мы должны жертвовать собственной дочерью ради нее. – Он все еще избегал называть Олю по имени, хотя по документам был ее приемным отцом. – У Евгении ответственный день, нам надо сразу познакомиться с учителями, там завучем работает мой одноклассник. Так что быка за рога нужно брать сразу же. И я не хочу, чтобы мы разделились, чтобы я пошел с нашей дочерью, а ты – с ней.

Чем закончилась их перепалка, неизвестно, но Оля, привыкшая к тому, что ей все равно дают понять, что она здесь не своя, смирилась с мыслью, что отправится на линейку в школу одна.

Так и произошло, тетя Маша не смогла противостоять мужу. Хотя она потом и присоединилась к Оле, но только после того, как в спешке прибежала из спецшколы Жени. Она успела к самому концу торжества, когда школьники уже вовсю распевали песни про Страну Советов и свое счастливое будущее.

Она заметила, что Оля стоит на периферии, оттесненная празднично одетыми детьми, девочками с огромными бантами и мальчиками в белых наглаженных рубашках, которые держали в руках пышные букеты астр. А позади них стояли счастливые родители.

Оля же была одета в старую форму, которую носила еще старшая дочь тети Маши, цветы у нее были, но какие-то невзрачные, помятые и увядшие. Дядя Саша сказал, что разоряться аж на два букета не имеет смысла, поэтому купил один хороший для Жени, а второй, совсем чуть ли не даром, для Оли.

Тетя Маша подошла к девочке.

– Ну, все в порядке? – спросила она. Странно, но женщина, родившая и воспитавшая шестерых, не могла понять, что в порядке было далеко не все.

– Да, мама, – ответила Оля и первый раз за полтора года поняла, что маму ей заменить не сможет никто и что тетя Маша как была, так и останется хоть и хорошей, но чужой женщиной.

– Вот и прекрасно, – сказала тетя Маша. – А где ваша классная руководительница, покажи-ка мне ее.

Оля показала, но не сообщила тете Маше о том, что произошло, когда она одна подошла утром к площади около школы. Дома сказали, что ей надо найти первый «Б», класс, в котором она будет учиться. Оля уже умела читать, поэтому смогла различить цифры и буквы, нарисованные на асфальте, где указывалось точное место расположения каждого класса. Там, где было написано 1-й «Б», суежилась дородная женщина, одетая в длинное желтое платье, с модным перманентом и на высоченных каблуках. Оля подошла к ней и хотела ска-

зять, что она будет учиться в этом классе, как вдруг, повернувшись, женщина заметила Олю и строго спросила ее:

– Девочка, ты что здесь делаешь? Не мешай, отойди к своему классу. И куда только твои родители смотрят!

Оля отошла и прислонилась к бетонной стене. Женщина по-прежнему суежилась, принимая цветы от родителей и прибывающих детей, улыбаясь и расставляя учеников по цепочке. Оля так и осталась стоять около своего класса, не присоединяясь ни к кому, а родители, толпившиеся около нее, не замечали маленькую девочку с букетом страшных увядших цветов, каждый стремился рассмотреть свое чадо, сфотографировать его или шепнуть о нем преподавательнице.

– Вот она, – указала Оля на женщину в желтом платье, которая вместе со всеми аплодировала выступавшему директору.

Тетя Маша подошла к ней и что-то сказала. Учительница, повернувшись, как-то недовольно посмотрела на Олю, но потом, мило улыбнувшись, все-таки приблизилась к ней.

– Значит, ты и есть Оля Суворова, ну что же ты мне сразу не сказала, – произнесла она. – А я думала, что вы еще не приехали, у нас некоторые не возвратились пока с моря, я такое не поощряю, но первый раз это допустимо.

Затем классная руководительница, которую звали Вера Николаевна, отвернулась от Оли, опять устремив свой взор на директора. Тот как раз заканчивал говорить проникновенные слова.

– Оля, иди и подари ему цветы, – сказала Вера Николаевна.

Она критическим взглядом оценила букет в руках у девочки, взяла его, положила на асфальт и вручила Оле три шикарные розы, перевязанные красной лентой.

– Иди, иди, – подтолкнула ее учительница, – надо вливаться в коллектив, нельзя стоять все время у стенок.

Оля в толпе других школьников побежала к крыльцу, на котором располагалась администрация школы, и вручила директору, лысоватому, в очках, букет роз. Тот потрепал ее по голове, передав цветы кому-то из приближенных.

Когда Оля вернулась, тети Маши уже не было. Она ушла, как объяснила учительница. Оля поняла, что та заторопилась к Жене, в спецшколе должен был проходить специальный конкурс первоклассников, и Женья принимала в нем участие.

– Дети, сейчас будет звучать веселая песенка, – радостно сообщила своим питомцам Вера Николаевна, – и вы дружно за мной пойдете в здание вашей школы, где будете набираться знаний. Становитесь по парам, так, побыстрее.

Родители бросились поправлять банты, целуя своих детишек, а Оле не оказалось пары. Все дети были или знакомы друг с другом, или уже сумели найти общий язык.

– Девочка, становись в конец, – сказала ей чья-то бабушка. – Давай, не задерживай, у моего Андрюши сегодня самый счастливый день в жизни. – И бабушка попыталась поцеловать уворачивающегося внука, уже считавшего себя взрослым.

Грянул школьный марш, отражаясь эхом в стеклах близлежащих пятиэтажек, и дети пошли за Верой Николаевной в обитель науки.

Оля видела, что они ступали прямо по ее букету, который учительница кинула на асфальт. Причем ребята специально старались его раздавить, расплющить. Оле вдруг стало очень обидно. Она была готова заплакать и, когда дошла ее очередь идти по своим цветам, попыталась остановиться и поднять хоть один оставшийся цветок.

Однако позади на нее зашипели, там шел еще один класс, и их преподавательница, молодая и самоуверенная особа, одетая в голубое облегающее платье, с глазами, подведенными голубой тушью, и волосами, отсвечивающими синькой, проговорила:

– Девочка, не мешай, иди быстрее. Этот мусор уберут дворники, не беспокойся.

Оля чувствовала, что сейчас заплачет, но сдержалась. Она вспомнила то, что ей когда-то говорили и мама, и тетя Маша. Нельзя показывать на людях, что ты слабее их, нельзя плакать. Даже если очень больно, надо перебороть себя. Потому что если хоть кто-то увидит твою слабость, то сможет использовать это против тебя.

Поэтому девочка, подняв голову, наступила на ту зелено-красную массу, которая осталась от букета. Хруст и чавканье на асфальте отозвались в ее голове, но всего на секунду. Потом нескончаемый поток наряженных школьников вовлек ее в здание школы.

– Итак, я вызвала вас, Александр Федорович, – сказала Вера Николаевна в конце третьей четверти, – чтобы поговорить об успеваемости вашей дочери Ольги.

Они находились в пустом кабинете, был конец зимы, снег уже начинал таять, а ночью ударяли морозы, превращавшие лужи в каток.

– Что произошло? – спросил дядя Саша.

– Девочка, без сомнения, одаренная, она, например, уже умела читать, когда пришла в первый класс, сейчас многие родители сами занимаются со своими детьми, приучают их к чтению. Хотя и не так эффективно, как по нашей коллективной и отработанной системе, но школа только приветствует это. Наверное, вы сами занимались с Олей?

Дядя Саша понятия не имел, как девчонка научилась читать, скорее всего, ее мать-проститутка в свободное от посещения «Интуриста» время учила свою дочь по букварю. Интересно, она ей больше никакое умение не привила? Он плотоядно усмехнулся. Он невзлюбил мать Ольги, Киру, за то, что, когда он однажды пытался пристать к ней, она осадил его. Ишь ты! С другими небось за деньги такое вытворяла! А теперь он вынужден воспитывать дочь этой недотроги!

– Да, мы занимались с ней, с Ольгой, я хочу сказать, – сказал он. – Лично я, иногда моя жена.

– Это заметно, – кивнула учительница, – но, понимаете, ей требуется система. Девочка какая-то неконтактная, замкнутая, мало общается со сверстниками. Письменные работы у нее получаются великолепно, но если спросить ее устно, то Оля сразу теряется, краснеет, не может ничего сказать.

– Ага, – произнес дядя Саша.

Несмотря на то, что Олю он не считал своей дочерью, его раздражало, что на нее жалуются. Все Суворовы обязаны быть лучше других, а этот приемный только портит общее впечатление. Вон, старшая Зинаида наверняка получит золотую медаль по окончании десятого класса, а этой... этой незаконнорожденной ничего не светит.

– Поэтому я советую вам провести с ней мягкую воспитательную беседу, – продолжала Вера Николаевна. Отец Оли ей нравился. Не каждый занимается с дочкой до школы чтением. Кроме того, он главный инженер завода, с такими надо поддерживать хорошие отношения. – Просто поговорите с девочкой, в этичной форме поинтересуйтесь, что произошло. Не исключено, что виной всему какой-то пустяк. Но вы не должны откладывать этот разговор в долгий ящик. В четверти у вашей дочери предвидятся четыре тройки, а это не совсем хорошо. И для нее, и на класс влияет дурно, и на нашу отчетность.

– Я вас понял, Вера Николаевна, – заверил он ее. – Я проведу с ней беседу, причем сегодня же.

Дядя Саша действительно провел очень проникновенную беседу с Олей в тот же вечер. Мария со всеми детьми отправилась к своей матери, жившей на другом конце города. Бабушка не особо жаловала новоявленную внучку, поэтому тетя Маша, чтобы лишний раз не раздражать мать, оставила Олю дома. Тем более, что на этом настоял и муж, который

сказал, что был в школе и беседовал с классной руководительницей и та посоветовала Ольге больше времени уделять домашним заданиям.

Девочка сидела за столом и сосредоточенно делала уроки, когда почувствовала на своем плече тяжелую ладонь приемного отца. Оля обернулась. В руках у дяди Саши был ремень.

Не говоря ни слова, он наотмашь ударил девочку, затем еще раз. И еще. Ничего не понимая, Оля закричала и бросилась из комнаты. Дядя Саша попытался удержать ее, но она впиалась ему в руку зубами. Чертыхнувшись, он выпустил ее. Оля вбежала в ванную и закрылась изнутри. Дядя Саша напрасно колотил в дверь, Оля, сжавшись в комок, проплакала весь вечер.

Когда Оля покинула убежище, дядя Саша на кухне мирно пил с женой и детьми чай с оладьями, принесенными от бабушки. Он был сама невинность и отеческая забота.

– Вот, Маша, посмотри, – показал он на Олю, – глупая девочка упала на ступеньках и поранила себе все тело. Уж не знаю, как она умудрилась пропахать носом всю лестницу, но у нее и колено разбито, и тело исполосовано.

– У вас все было в порядке, Оля? – гася свет, спросила ее тетя Маша. Она всегда перед тем, как потушить свет в спальне, целовала детей и справлялась об их проблемах.

Оля задумалась, но ее колебание длилось всего секунду.

– Да, мама, – ответила Оля и закрыла глаза. – Все нормально.

Вздохнув, тетя Маша вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Она была довольна, что все в порядке. А то она не совсем поверила мужу, что Оля упала со ступенек. Александр бывал необузданным и жестоким.

Оля лежала в темноте и думала о том, как ей недостает мамы. Но ничего, больше она никогда не позволит себя обидеть. Никому.

Именно в эту ночь Оля поняла, что она не расстроится, если дядя Саша вдруг умрет. Просто умрет и оставит всех в покое. Но он был здоровым мужиком, вряд ли такое случится в ближайшие двадцать-тридцать лет. Хотя кто знает. И именно эта ее мысль была последней. Оля заснула. Ее не терзали воспоминания о том, что произошло вечером, ведь она просто не поняла, что именно хотел сделать дядя Саша. Об этом она догадалась через несколько лет. Оля всегда знала, что приемный отец плохо относится к ней, и то, что он избил ее ремнем, не было шоком. Хотя последствия, разумеется, остались. И когда через десять лет произошло то, чему было суждено случиться, она не огорчилась. Потому что именно тогда воплотилась в реальность ее первая мечта. Дядя Саша умер.

Прошло два года. Дядя Саша оставил Олю в покое, однако его неприязнь к ней только усугубилась, теперь он практически не разговаривал с девочкой, едва обмениваясь с Олей за целую неделю парой пустячных фраз.

Изменилось и его отношение ко всей семье, он начал пить, и не от плохой жизни. Его сделали заместителем директора завода, у него был напряженный график работ, сдачи очередных объектов, приуроченных к праздникам коммунизма. А все это сопровождалось возлияниями и в кабинете у начальства, и на приемах по случаю приезда комиссии или иностранной делегации, и в особых закрытых банях, только для «своих», где были и дефицитные продукты, и лучшее спиртное лилось рекой, и практиковались, разумеется, развлечения иного плана.

Отказаться от этого было нельзя, товарищи по работе не поняли бы Суворова и расценили бы его отказ как проявление индивидуализма. Кроме того, дяде Саше осточертела нудная жизнь в семье, он жалел, что по глупости завел шестерых детей плюс лишний рот. В любом случае слава «Матери-героини» досталась его жене, а в его компетенцию входила починка беспрестанно ломающихся кроватей, стульев, игрушек и вешалок.

– Делай, что хочешь, – таков был теперь стандартный ответ дяди Саши практически на любой вопрос жены, когда она все-таки видела его дома, злого, с похмелья, невыспавшегося, возвратившегося от очередной пассивности.

Дети все чаще получали подзатыльники, грубые окрики, попреки в том, что они растут на хлебниках и бестолочах в то время, как их отец вкалывает на вредном производстве.

– Делай, что хочешь, – так же отреагировал он и на вопрос тети Маши, не против ли он, чтобы Олю после третьего класса перевели в спецшколу, где училась их дочь Женя.

Та сцена не прошла для девочки бесследно. Какой-то внутренний страх перед приемным отцом заставил ее взяться за учебу. Раньше основной причиной, по которой она получала удовлетворительные оценки, было постоянное чувство одиночества, с которым она не могла справиться.

Но теперь она стала старше, поняла, что в жизни зачастую приходится надевать маску не только для других, но и для самой себя. Так что ей пришлось убедить себя, что учиться на «отлично» лучше, чем отставать по успеваемости от всего класса. По крайней мере, это хоть сможет в дальнейшем помочь ей... Помочь добиться того, чтобы никто больше не посмел ее бить или оскорблять.

Теперь она училась в одном классе со своей сестрой Евгенией. Было бы ошибкой считать, что специализированная школа представляла собой этаким пансион для благородных девиц, где учились только дети бонз города. Практически все отпрыски партийных работников, крупных начальников или деятелей искусства были избалованы до крайности, с детства приучены к роскоши, не знали отказа ни в малейшем желании, перемещались по улицам исключительно в папиных автомобилях. Они отличались от тех учеников, которые поступили в эту школу собственными стараниями, явно в худшую сторону. Но им прощалось и плохое поведение, и хамство, а в старших классах и увлечение выпивкой, и то, что именовалось буржуазным стилем жизни.

В четвертом классе «А», куда попала Оля, уже сложилась своя компания, причем ее сестра Женя не вписалась в нее. Теперь настала очередь другой девочки.

– Дети, – произнесла в начале учебного года классная наставница Марина Эдуардовна, чрезвычайно самоуверенная дама средних лет, предпочитавшая короткие стрижки, мода на которые дошла до Советского Союза из Парижа, где Марина Эдуардовна недавно была на очередной конференции. – Познакомьтесь со своей новой одноклассницей, это Ольга Суворова, сестра Жени. Иди, Оля, садись на свободное место к Стелле.

Оля, взяв свой старенький портфель, подошла к парте высокой девочки, одетой хоть и в школьную форму, но с явной претензией на исключительность. На ее пальце блестело золотое кольцо с камнем, ослепительный блеск которого не оставлял сомнения в том, что это бриллиант. Стелла была единственной дочерью председателя горисполкома.

– Зачем она мне нужна, – как-то гнусаво – по моде, заведенной самой Стеллой, это считалось в школе высшим шиком, – проговорила та, осматривая Олю. – Здесь же сидит Вика, Марина Эдуардовна. Когда Вика выздоровеет, где же она будет сидеть, если эта займет ее место?

– Ничего, найдет где сесть, – ответила Марина Эдуардовна. – В четвертом классе она уже находит место у парней на коленках, так что как-нибудь перебьется.

Класс рассмеялся, но Стелле, привыкшей, что никто и никогда не осмеливается шутить над ней, это очень не понравилось. «Разумеется, виновата и Марина Эдуардовна, но больше эта новенькая. И во что только она одета, как и ее сестра. Их из жалости взяли в школу, чтобы соответствовать всяким распоряжениям о поддержке многодетных. Ну вот, нарожали же таких дур, теперь сиди с ней», – презрительно думала Стелла.

Оля сразу поняла, что в классе ее невзлюбили. Она улыбку Стелле и заняла место рядом с ней. Она уже привыкла, что ее никто не любит. Ничего, это когда-нибудь изменится.

Оля добила своего – хоть ее никто не любил, но все заискивающе просили у нее списать домашнее задание, так как она стала гордостью класса и единственной круглой отличницей.

Двумя предметами, которые особенно нравились ей, были, казалось, взаимоисключающие науки, а именно химия, которая в спецшколе преподавалась спустя рукава, но кто хотел, тот мог взять все ему нужное, и английский язык, который и являлся профилем школы. После восьмого класса на удивление и на зависть всем одноклассникам Оля стала одной из немногих, кто мог показать родителям исключительно отличные оценки.

– Говорят, у тебя все пятерки, – сказал дядя Саша, появившийся дома на четвертые сутки после того, как торжественный вечер ушел в небытие. Это теперь стало его обычной манерой. Пропадать, а потом заявляться, причем такое впечатление, как говорила тетя Маша, вздыхая, что он был не у любовницы, а спал где-то в подвале – одежда грязная, порванная, от самого разит водкой.

Его карьера постепенно также скатывалась под гору. Руководство поощряло участие в гулянках, санкционированных сверху, но самостоятельность не приветствовало. А дядя Саша, уже основательно поседевший и обрюзгший и выглядевший гораздо старше своих сорока семи, перестал генерировать новаторские идеи, предпочитая брать дни за свой счет или больничные. С завода его уволили.

Тетя Маша, похоже, забыла о том, что ее супруг когда-то занимал высокооплачиваемую должность, был многообещающим специалистом и кормильцем семьи. Она просто плюнула на него, хотела развестись, но по старой привычке – авось все само уладится – ждала чуда. Его не произошло. Дядя Саша после увольнения и из магазина перешел работать в мастерскую по ремонту обуви, где завел пассию, какую-то Люську, и теперь они на пару хлестали всякое пойло.

– Ты только посмотри, – удивился дядя Саша, рассматривая оценки Оли. – Вот это да, кто мог ожидать, что из этого приемыша выйдет толк!

После этих слов жена вытолкала его за порог.

– Ну что, Оля, будем делать? – спросила она у девочки, точнее, уже у молодой девушки. – Может быть, ты, как и Таня, пойдешь в училище, у меня есть знакомые в одном, могут устроить швеей-мотористкой. Вот и Евгению туда устрою, у нее ведь сплошные тройки...

Однако Оля не хотела идти по стопам детей тети Маши. Та сама, казалось, стала в какой-то степени равнодушно относиться к собственной семье, она потолстела, на ее лице прибавилось морщин. Если раньше Мария мечтала, что все ее дети получают высшее образование, то теперь место в третьеразрядном ПТУ было для нее верхом всех чаяний.

– Я не знаю... – ответила Оля. – Но все-таки я бы предпочла закончить девятый и десятый класс.

– А потом? – Тетя Маша ожидала такого ответа.

– Я решила, что потом пойду в медицинский. Для поступления в институт придется ехать в Ленинград.

– Ну что же, это твое решение, – ответила тетя Маша, в душе все-таки не одобряя его.

Оля всегда была чужим ребенком, и это особенно чувствовалось теперь, когда она повзрослела. Женщине, вырастившей семерых, было обидно, что ни один из ее отпрысков не поднялся выше того, чего смогла достигнуть их мать, или того, чем теперь был их отец. Ну что поделаешь, может быть, у Оли судьба сложится по-другому. Однако стена отчужде-

ния между приемной матерью и дочерью после этого разговора только укрепилась, и они больше не возвращались к этой теме.

Неожиданно для себя, учась в десятом классе, Оля обнаружила, что из той девчонки, над которой всегда смеялись, которую ненавидели или просто игнорировали, некрасивой, сосредоточенной только на уроках, она превратилась в красивую девушку.

Можно сказать, что их класс очистился. Например, Стелла и Эльза, хоть они и продолжали учебу, в школе появлялись крайне редко, теперь их главным занятием были вечеринки, дискотеки, про которые они потом со смаком рассказывали другим – выпивка, наркотики и, разумеется, свободная любовь.

С одной стороны, Оля хотела присоединиться к ним, попробовать такой жизни, которая, по мнению подавляющего большинства учеников, была райской, так как эти детки имели все, о чем иные не могли и мечтать. Но с другой стороны... Это походило на то, что практиковал дядя Саша. Может быть, они пили не денатурат, а виски, но суть-то была одна. А Оля, еще в детстве решившая во что бы то ни стало вырваться из своего городка, даже жалела тех, у кого были ведомственные машины, распределители и государственные дачи.

Единственным человеком, кому Оля могла довериться, был Сергей. Он пришел из другой школы и казался совсем не таким, каким было большинство одноклассников. Он увлекался поэзией, никогда не позволял себе грубых замечаний или шуток со скрытым сексуальным подтекстом и тем более прямых предложений, а именно этим отличались учившиеся с Олей парни – тот же Андрей, друг Стеллы, которая громогласно повествовала об их интимной жизни.

Сергей, высокий, зеленоглазый, с черными вьющимися волосами, нравился Оле, и, похоже, она ему тоже. Когда в тетради или учебнике она находила очаровательное стихотворение, написанное его твердым почерком, то чувствовала себя на вершине счастья.

Рассматривая себя в зеркале, она никак не могла понять, что же такое он нашел в ней – ну, серые глаза, это банально, ну, темные, отливающие бронзой волосы, густым каскадом спадающие ей на плечи. Тоже ничего особенного. Ну, фигура. Но ведь у нее не было стильной одежды, которую носила та же Стелла, – этих безумных варенок, оригинальной бижутерии, туфель на огромной платформе. Разве она могла сравниться с ними? Разумеется, нет. И что Сергей нашел в ней?

Она не могла понять этого, но именно он был в ее представлении человеком, с которым она хотела бы провести всю свою жизнь, – такой спокойный, одновременно увлеченный и... Оля краснела и в мыслях ругала себя за то, что ставит это на первый план. Такой красивый...

Она стала рассеянной, иногда на протяжении целого урока глядела на профиль Сергея, его открытое мужественное лицо. А по вечерам, когда ложилась спать, именно он доминировал в ее снах. Неужели это и есть любовь?

Однако ни он, ни она не пытались сделать шаг навстречу друг другу, Сергей только засыпал ее волшебными стихами, некоторые строчки приводили Олю в трепет. Что, если они стали парой на всю жизнь, которым судьба указала путь друг к другу?

Самым волшебным для Оли стал один январский вечер. Она задержалась в школе, так как требовалось завершить приготовления к контрольной по химии, намеченной на следующий день. Шел уже четвертый час, и темнота начинала заполнять улицы. Ольга сняла с вешалки старенькую шубу, доставшуюся ей в наследство от старшей сестры, уже вышедшей замуж и успевшей сделать тетю Машу бабушкой, когда вдруг ощутила, что кто-то позади взял эту серую, немного облезлую шубу и помогает надеть ее.

Оля обернулась. Перед ней стоял Сергей.

– Это ты, – только и прошептала она.

Такое могло произойти только в ее мечтах. И теперь они стали реальностью. В обтягивающем широкие плечи свитере, поверх которого была надета короткая куртка, со спутанными выющимися волосами, Сергей выглядел как романтический герой, как...

Посмотрев на нее долгим и пристальным взглядом своих продолговатых зеленых глаз, он хрипло произнес:

– Я тебя люблю, Оля.

Ей показалось, что это самый счастливый день в ее жизни. Она ждала его целую вечность. И неважно, что на улице минус тридцать, что темно и сугробы по колено... Ольга вдруг поняла, что тоже любит Сергея.

Они ходили по улицам, и Сергей держал в своей сильной руке ее ладонь. Они не замечали ни пронизывающего ветра, ни взглядов редких прохожих, замечавших красивых юношу и девушку, устремивших взгляды друг на друга. Сергей был великолепен, он читал ей стихи, говорил о том, что Оля – его первая любовь, о том, как его словно пронзило током, когда он впервые вошел в класс и увидел ее, такую красивую и недоступную. Оля была счастлива. Она с жадностью внимала каждому слову Сергея, пленившего ее.

В этот день он впервые поцеловал Олю. Она сначала испугалась. Но Сергей был нежным, он прикоснулся своими горячими губами к ее губам, и тогда, в темном подъезде, она ощутила, что именно этого желала ночами. Оказалось, что он достаточно опытен в таких делах, однако Сергей заверил ее, что она – единственная и неповторимая, он мечтает только о ней и безумно любит ее. И Оля сдалась. Он целовал ее и целовал, однако, когда его рука пыталась скользнуть на ее грудь, а Сергей уже расстегнул пальто на ней, Оля мягко отстранила его.

– Не надо, – произнесла она, – я еще не готова. Ты же понимаешь, что любовь – это когда смотрят в одном направлении, а не бесконечно глядят друг на друга.

Однако именно этого Оля хотела больше всего – часами смотреть на своего Сергея, любоваться его красотой и мужественностью, держать его руку и ощущать его теплые и горячие поцелуи. Она знала, что рано или поздно все это должно перейти к... К сексу, к тому, о чем рассказывала Стелла, что чуть не произошло между ней и дядей Сашей. Но Ольга была еще не готова и сказала об этом Сергею.

И он понял ее и не настаивал. Он был чудо. Он один стал для нее ближе всех людей. Он один понимал ее.

Домой она вернулась на четыре часа позже, чем обычно, и на вопросы тети Маши, даже не покраснев, ответила, что помогала подготавливать эксперимент по химии. Та успокоилась, зная, что Оля увлечена всеми этими химическими реакциями. Ночью Оля долго не могла заснуть, вспоминая то, что было вечером, непрестанно возвращаясь мыслями к Сергею.

На следующий день она впервые неправильно решила задачу по химии в контрольной, и потрясенная учительница была вынуждена поставить ей четверку. Однако для Оли ничего более не существовало, только Сергей, который не сводил с нее взгляда на занятиях, а она не могла представить себе ничего более волнующего и чувственного, чем погружаться в его глаза и любоваться его обликом греческого бога.

Так длилось две недели. Оля возвращалась домой с опозданием, говоря тете Маше, что дополнительно занимается по химии. А на самом деле она и Сергей гуляли по улицам города, в желтых и косых лучах фонарей, поминутно целуясь. Он больше не пытался как-то развивать их отношения, хотя говорил, что Оля для него – самое любимое на свете существо и он готов ради нее пойти на все. От его слов у Оли сладко замирало сердце, и продолжением объяснения в любви были стихи Есенина или сонеты Шекспира, которые Сергей мог декламировать часами, посвящая их своей единственной – ей.

Впервые за многие годы главным для Оли стала не учеба, а отношения с Сергеем. В дневнике, который она теперь прятала от тети Маши, замелькали четверки, а учителя удивлялись ее отсутствующему взгляду на занятиях и ответам не впопад.

Оля была влюблена, и это стало для нее главным. Ради Сергея она была готова на все, казалось, что ей больше ничего не нужно. Если есть любовь и такой человек, как он, разве требуется искать смысл жизни?

В конце февраля Сергей пригласил Олю на вечеринку.

– Там будут все свои, – сказал он ей, – надеюсь, тебе там понравится.

Оля тоже надеялась на это, поэтому тщательно приготовилась. Она выбрала новое платье, которое убедила купить тетю Машу. Пришлось сделать также восхитительную прическу, хотя очередь в парикмахерский салон была не меньше, чем за дефицитным сахаром. В придачу Оля решилась сделать макияж, который даже в их отчасти вольнодумной спецшколе строго запрещали.

Странно, но Сергей не зашел за ней, только дал ей адрес, сказав, что будет ждать Олю там. Дом, где жили его друзья, оказался элитной трехподъездной девятиэтажкой, в которой располагались двухуровневые квартиры, заселенные в основном представителями городских и партийных властей. Лифт домчал ее на седьмой этаж, и, уже выходя из него, Оля услышала гром музыки и чьи-то истошные вопли. Ей требовалась квартира номер шестьдесят четыре. Дверь в нее была приоткрыта, и оттуда как раз вывалилась какая-то полуголая девица в мини-юбке, совершенно пьяная. Она кричала преследовавшим ее двум не менее пьяным парням:

– Где у вас тут мартини, я хочу познакомиться еще с одной бутылкой.

Заливаясь идиотским смехом, она упала на лестничной клетке. Потом ее стало тошнить. Парни, подхватив девицу под руки, затащили ее в квартиру.

Оля решила, что или она, или Сергей ошиблись адресом. Она не думала, что вечеринка будет такой. Тем более, Сергей знает, что подобные компании Оля не переносит, не похоже, чтобы он специально пригласил ее.

Уже собираясь уйти, Оля повернулась к лифту, как вдруг дверь квартиры распахнулась настежь, и из нее вылетела толстая Эльза, что, впрочем, не мешало ей носить короткие юбки и обтягивающие лосины. Именно в таких, тигровой расцветки, она была и сейчас.

Устремившись к перилам, она извергла из себя все съеденное и выпитое, а потом как ни в чем не бывало повернулась к Оле и весело, чуть проглатывая согласные, произнесла:

– Ого, твою мать, Суворова, ты пришла, а я уж не верила Сереженьке. Давай заходи, чего стоишь. Не бойся, тебя тут не съедят.

И с этими словами Эльза затащила ее в свою квартиру. Вечеринка была в самом разгаре. Здесь царил настоящий бедлам, все было завалено пустыми и полупустыми бутылками из-под пива, водки и мартини. В первой же комнате, куда сунулась Эльза, ища Сергея, целовалась парочка, причем было видно, что они настроены решительно, желая прямо сейчас перейти к более интимным отношениям.

– Где же он? – икнув, пробормотала Эльза. – Ладно, сама отыщешь его, мне пора. Чао! – И она устремилась на второй этаж, спотыкаясь на лестнице и крича: – Вовик, я иду, готовь мою дозу, ты слышишь, паршивец?

Оля не совсем понимала, куда попала. Точнее, она смогла осознать, что это место не обыкновенной вечеринки, а притон наркоманов, любителей выпивки и свободной любви, что здесь тусуются по большей части дети высокопоставленных чиновников. Дверь в квартиру открылась, и туда залетела еще одна компания – несколько разряженных девиц в сопровождении двух бородатых мужчин. Девицы гоготали, одна отбивалась от бородача, а другая, напротив, пыталась поцеловать его взасос. Они принесли с собой ящик водки. Так и не донеся его до места назначения, они уселись в коридоре и предались любовным играм.

И зачем только Сергей пригласил ее сюда, скорее всего, он просто не догадывался, что здесь будет на самом деле. Ольга решила покинуть квартиру Эльзы, но сначала ей требовалось найти Сергея. Она стала открывать все двери, но это никого не смущало. Все были заняты своим делом – страстными объятиями, распитием водки, а в какой-то спальне, сидя прямо на белоснежной кровати, некое длинноволосое существо, то ли девушка, то ли парень, вкалывало себе шприц в вену. На полу уже валялось три или четыре человека в наркотическом бреду.

– Я здесь, если ты меня ищешь, – раздался позади нее голос.

Оля обернулась и увидела Сергея. Он был в рубашке, расстегнутой до пояса, волосы растрепаны, а глаза, милые глаза, в которые она могла смотреть часами, затуманены. От него разило алкоголем.

– Молодец, что пришла, – сказал он, беря Олю за руку. Его хватка была железной, но он уже неустойчиво держался на ногах. – Пойдем со мной, мне надо тебе кое-что сказать, Оля.

Сергей потащил ее в самую глубь квартиры, и они оказались в какой-то очередной спальне, где стояла на четвереньках та самая девица, желавшая познакомиться с бутылкой мартини, создавалось впечатление, что она хочет очистить желудок прямо на пол.

– Пошла отсюда, шалава, – пнул ее ногой Сергей.

Девица грязно выругалась и уползла в направлении выхода, где радостно завопила:

– Водочка приехала, класс!

– Сергей, ты меня именно сюда приглашал? – поинтересовалась Оля. – Пошли быстрее, меня тошнит от всего этого. Может быть, кому-то здесь интересно, мне нет.

– А мне да, – произнес он.

Сергей подошел к ней ближе. Оля видела, как вздымается его мускулистая грудь.

– Ты пьян! – сказала она твердо. – Быстро пойдем отсюда, тебе надо в постель.

– Это точно, малышка, – глупо улыбнулся он, – нам надо в постель.

И он, схватив ее за пальто, потащил прямо к постели, грязной и измятой, украшенной каким-то огромным темным маслянистым пятном. Из угла разило мочой.

– Оставь меня, Сергей, – произнесла Оля.

Ей не было страшно, она испытывала жгучее отвращение. Неожиданно и Сергей, которого она любила, стал ей мерзок.

Тем временем он повалил ее на постель и полез со слюнявыми поцелуями. Эта была не та нежная страсть, что раньше, а только угарная похоть и хамство.

– Я тебя хочу, Оленька, – сказал Сергей, пытаясь снять с себя рубашку. Наконец это ему удалось. – Ты что же, не понимаешь, мы встречаемся полтора месяца, и все какие-то стишки, невинные поцелуи. А я хочу тебя!

Он кинулся на нее и попытался разорвать платье.

– Дурак! – единственное, что произнесла Оля. Она ударила Сергея по щеке, его голова мотнулась из стороны в сторону, и он, охнув, сел на пол. – Дурак, – произнесла она еще раз и встала с кровати, чтобы уйти.

Сергей же, шатаясь, поднялся с пола. Теперь он был разозлен по-настоящему, его глаза сверкали злобой. Схватив какую-то бутылку с пола, он прямо из горлышка отхлебнул водки, вытер локтем губы и сказал:

– Пока я с тобой не пересплю, недотрога, никуда ты не пойдешь.

Он ударил ее бутылкой в грудь и снова швырнул на кровать.

– Ты что думаешь, ты какая-то принцесса, избранная! – кричал он, судорожно пытаясь снять ремень и расстегнуть штаны. – Все спят, и ты тоже будешь! Зачем, думаешь, я все эти стишки читал? Чтобы тебя, суку, уломать. Но если ты по-доброму не хочешь, то будет плохо.

В этот момент в дверь заглянула Эльза. Она была под кайфом, видимо, приняла наркотики, что не помешало ей хлебать мартини.

– Ого, вы тут, голубки, ну давайте, давайте, – хихикнула она. – Сереженька, когда с ней кончишь, приходи, лапуса, ко мне, мы, как обычно, развлечемся! – Она, издав нечто среднее между хихиканьем и отрыжкой, закрыла дверь.

– Теперь ты моя, – бормотал Сергей, наконец-то сняв штаны и оставшись в плавках. – Как же я тебя люблю, – произнес он, обнажаясь полностью. Затем кинулся на Ольгу, целуя ее, в то время как его пронырливые пальцы лезли ей под одежду, стремясь добраться до лифчика и трусиков.

Даже жалость к Сергею, которую испытывала поначалу Ольга, быстро испарилась. Ей стал противен парень, похожий на всех ширяющихся, трахающихся или просто пьющих водку в этой элитной квартире. Никакой любви нет, поняла она. Да и была ли вообще? Скорее это просто самообман. Первый человек, обративший на нее внимание, красиво говоривший, восторгавшийся ею, оказался обыкновенной свиньей.

Оттолкнув Сергея, она ударила его наотмашь по щеке. Звук получился гулкий и квакающий.

– Между нами все кончено, – твердо произнесла Оля, подходя к двери.

– Ты что, я еще не начал! – закричал он, краснея от ярости. – Ты что, б..., пока я не оттрахал тебя, никуда не пойдешь!

Голый, он перестал быть сексуальным и красивым, он стал смешным и жалким. И она любила такого? Бред!

– Милый, – сказала Оля, – посмотри на себя, ты явно не в кондиции. У тебя внутри слишком много этилового спирта.

Сергей взвыл и швырнул в нее бутылку. Та, разбившись о косяк, усеяла ковер осколками.

Оля выскочила из комнаты и побежала к выходу. На пути ей попался храпевший бородач, ей пришлось наступить ему на живот, но тот, прижав к себе бутылку водки, повернулся на бок и продолжил дрыхнуть.

– Подожди, сука! Я доберусь до тебя! – кричал голый Сергей, выскакивая за ней следом. – Ты ответишь за все, я тебе башку разможу, дешевая целка. Да от меня еще ни одна баба не отказывалась! Стой, гадина!

Но догнать ее он не смог, застряв где-то в коридоре.

Последнее, что видела Оля в той квартире, была фигура Сергея с опущенными плечами, стоявшего возле храпевшего бородача, и Эльза, на коленях примостившаяся около его бедер и пытавшаяся заняться с ним оральным сексом.

Прибежав домой, Оля первым делом приняла горячую ванну, стремясь смыть с тела все следы Сергея. Убрать его из души было сложнее, она все-таки чувствовала, что, несмотря ни на что, питает к нему какое-то чувство, может быть, не любовь, но сочувствие, но она отогнала и эту мысль прочь. Драя себя мочалкой, она поняла, что продаваться за бутылку мартини и заученные стихи Есенина нельзя. Надо уважать себя, потому-то Сергей навсегда ушел из ее жизни.

В школу он, как, впрочем, и Эльза, явился только через неделю после неудачной попытки изнасилования Ольги. Выглядел Сергей по-прежнему великолепно, даже стал еще красивее из-за бледности и темных кругов под глазами, но Оле слишком хорошо было известно их происхождение. Он на уроке попытался встретиться с ней взглядом, но Оля пресекла его попытки. Уходя – уходи. Надо быть твердой в принятом решении.

Поэтому она порвала, даже не читая, записку от Сергея, которую тот подложил ей в тетрадь. Все кончено. Оля стала наверстывать упущенное за полтора месяца любви, которая

дала ей многое. Она познала это чувство и убедилась, что рассказы про то, что любовь на всю жизнь, что именно на ней держится существование, – выдумки. На такой любви ничто не может держаться, даже то, что Сергей вынул из штанов.

Он больше не домогался ее, скоро он ушел в загул с Эльзой, и в самом конце десятого класса его отчислили из школы. Эльзу же не тронули, так как ее дед проектировал и строил дома в городе. Оля не чувствовала себя ответственной за его падение. Легче всего обвинить кого-то в своих неудачах, сказать: «Виновата ты, Ольга, ты предала и не поддержала меня, ты не предоставила мне еще один шанс выбраться из ямы». Может быть, оно и так. Но все дело в том, что любви больше не было. Она испарилась, остались только горечь и боль.

Десятый класс Оля закончила на «отлично». Выпускные экзамены не были для нее проблемой, она все сдала на пятерки, теперь предстоял выпускной бал с вручением аттестатов. Оля еще с тремя учениками своего класса была удостоена золотой медали.

Ольга решила как можно быстрее покинуть родной городок. Он был олицетворением всего самого ужасного в ее жизни. Поэтому она не пришла на выпускной бал, получив аттестат и медаль несколькими часами раньше, а уже вечером, когда ее одноклассники отмечали вступление во взрослую жизнь, уехала в Ленинград – поступать в медицинский институт.

Сидя на жесткой скамье пригородной электрички, Ольга смотрела в ночную тьму, перемежающуюся островками бледно-желтого света. Она приняла твердое решение – вырваться из той среды, в которой жила. Но что ждет ее впереди?

Поезд, стуча колесами, мчался через ночь.

В Ленинграде Оля жила у двоюродной сестры тети Маши. Месяц упорной подготовки – и к середине августа она стала студенткой лечебного факультета Ленинградского медицинского института.

Ленинград поразил ее своими масштабами и открывающимися перспективами. Оказалось, что из ее сокурсников никто особенно учебой не интересовался, для них были более привлекательны иные, не менее захватывающие стороны жизни большого города. Многие из студентов уже не раз предлагали Оле отправиться на вечеринку или в ресторан.

Однако каждый раз ей представлялось то, что произошло на той вечеринке, с Сергеем, и она отказывалась. Сначала сокурсники не понимали ее, а потом, убедившись, что Оля твердо решила посвятить себя науке, оставили свои попытки.

Нельзя сказать, что учеба захватывала Олю, но она знала, что на первом курсе самой медициной даже не пахнет, здесь преподаются смежные науки, необходимые для закладки фундаментальных знаний.

Поэтому, когда прошли и первая, и вторая сессии, она оказалась одной из немногих, в чьей зачетной книжке были только самые высокие оценки. Оля тем не менее чувствовала, что медицина – это не совсем то, о чем она мечтала. Все-таки закончила она спецшколу с углубленным изучением английского, и язык знала неплохо даже на институтском уровне. Нет, она не жалела, что эти знания пропадут или окажутся невостребованными, в конце концов, привыкнуть можно к любой профессии, главное – стать и в ней первой.

Девиз – стать во всем первой – сделался для нее своего рода навязчивой идеей. Возможно, сформировался он из-за тех непростых семейных и жизненных обстоятельств, в которых выросла Оля. Возможно, из-за того, что она приехала из области. А таким в Ленинграде приходилось ежедневно доказывать, что если ты жила в маленьком провинциальном городке, то это не означает, что и склад мыслей у тебя тоже провинциальный.

И это Оле удалось. Во время летней сессии один из самых уважаемых профессоров сказал ей:

– Знаете, если вы будете продолжать работать так, как сейчас, из вас может получиться великолепный врач.

Что же, не исключено, что так и произошло бы, однако то, что случилось в ее родном городке в конце июля, полностью изменило Олину жизнь.

После экзаменов все иногородние разъехались. Оля тоже вернулась на пару недель домой, хотя очень не хотела возвращаться в прежнюю жизнь.

С вокзала она несла сумки с дефицитными продуктами, закупленными ею в Ленинграде. Впрочем, в то время все продукты были дефицитные.

Из писем тети Маши ей было известно, что она и дядя Саша официально развелись, тот ушел к своей приятельнице Таньке, устроив при этом ужасающий скандал, обвинив в своей нелегкой судьбе жену, детей и особенно Олю. Он кричал, что именно после того, как это чудовище взяли в дом, дела пошли наперекосяк, ему, чтобы обеспечивать лишний рот, пришлось больше работать, он перенапрягся и по глупости заливал свою усталость водкой. Жена его не остановила. Вот так он и спился, по вине Оли, жены и, в принципе, собственных детей.

Тетя Маша выгнала его из дома даже без вещей, и вскоре стало известно, что ему дали два года условно за попытку изнасилования подружки его новой супруги Таньки. По неизвестной причине суд оказался мягкосердечным, и дядя Саша, просидев пару месяцев в КПЗ, вышел на свободу, стал пить еще больше, при этом его характер менялся только в худшую сторону.

Когда Оля подошла к дому, в котором когда-то жила, было около половины четвертого. Однако на лавках не оказалось ни одного человека, видимо, из-за жары все предпочли уехать на дачи или вообще в сезон отпусков проводить свободное время у моря.

Дверь квартиры была приоткрыта. Ольга прошла в коридор, не понимая, что же случилось, и тут до нее донеслись какие-то крики. Стало ясно, что бывшие супруги выясняют отношения, однако эта ссора грозила обернуться чем-то непредвиденным.

– Ты тварь, – громко говорила тетя Маша.

Стоя в коридоре, Оля не захотела обнаруживать свое присутствие, тем более она слышала, что у ее приемной матери голос дрожит от злости. Именно от злости, а не от возмущения или страха. Такого Оля за ней никогда не наблюдала.

– Да ты что, Машенька, – пытался возразить дядя Саша.

Его голос можно было узнать с трудом. Он стал пропитым и прокуреным. Оля не видела приемного отца уже года два, поэтому представить не могла, как он деградировал.

– Ну и что я такого сделал? – заговорил он, при этом его немного заплетающийся голос звучал все увереннее. – Ты, сука, моя жена и не посмеешь мне помешать. Пошла вон, мерзавка.

После этого раздался сильный удар, кто-то вскрикнул.

– Не смей бить ребенка! – воскликнула тетя Маша.

Значит, там был еще кто-то, скорее всего, самая младшая, Тоня. Девочке уже исполнилось двенадцать лет.

– Что хочу, то и ворочу, дорогуша! – засмеялся дядя Саша. Его смех звучал мерзко.

– Что он с тобой пытался сделать, Тоня? – услышала Оля голос тети Маши.

– Да ничего, я только воспитывал ее, – прохрипел дядя Саша.

Раздались его шаркающие шаги, а потом крик бывшей жены:

– Отпусти, немедленно отпусти!

– Дура Танька меня выгнала, ты тоже. Но дети-то мои! Значит, я имею право жить здесь. И ты, тварь, не можешь помешать мне.

– Ты выписан из этой квартиры, поэтому иди прочь!

– Что ты сказала? – Раздался удар, потом еще один, не менее сильный. Женщина вскрикнула. – Повтори, лахудра, ты что промямила? Я твой муж, и ты не смеешь выставить меня на улицу!

– Оставь маму! – раздался голос Тони. – Оставь ее! Мама, он пытался раздеть меня, он приставал ко мне! – закричала девочка.

После этого наступило молчание. Оля, стоявшая в коридоре, прислонившись к стене, все поняла. Дядя Саша несколько не изменился, более того, он стал настоящим чудовищем. Теперь он уже пристает к собственному ребенку с гнусными намерениями. Он, спившийся и полоумный, представляет собой опасность для близких.

– Что, дочка? – спросила изменившимся голосом тетя Маша. – Он приставал к тебе, он...

– Он стягивал с меня колготки! – закричала Тоня.

– Не плачь, не плачь, – сказала мать успокаивающе. – А теперь иди в спальню и запишись там. Никого, кроме меня, не впускай. Иди!

Было слышно, как девочка скрылась в смежной с гостиной комнате. Захлопнулась дверь.

– Ну что, слышала? – сказал, смеясь, дядя Саша. – Вы теперь все мои! Эта дуреха сопротивлялась, как и тот приемыш. Что делаешь такую морду? Не знала? Да, я ее изнасиловал еще десять лет назад, а потом насиловал у тебя под носом каждую неделю. Ха-ха, сразу видно, что ты паршивая мать, не могла уберечь собственных убожков!

– Что ты сказал?! – произнесла тетя Маша. Интонация ее голоса была замедленной, странной и какой-то неумолимо жестокой.

– Что-что... Оглохла, что ли? Да, я насиловал и Ольку, и Тоньку тоже хотел, да ты не вовремя приперлась и мне помешала...

Договорить он не успел. Оля услышала глухой удар, затем еще один. Потом раздался звук упавшего тела. Понимая, что произошло что-то ужасное, она вбежала в комнату.

– Ты здесь, Оленька? – совсем по-будничному, словно ничего не произошло, спросила тетя Маша. – Проходи, ты pomoжешь мне избавиться от этого подонка.

На полу лежало распластанное тело дяди Саши. За эти годы он похудел, превратился в седого старика с неухоженной бородой и резкими морщинами. Вся его голова была в крови, а рядом с телом валялась тяжелая хрустальная ваза, расколовшаяся на две части.

Без слов Оля подбежала к человеку, которого она ненавидела многие годы. Теперь она должна оказать ему помощь. Но уже поздно. Дядя Саша был убит. На его макушке и правом виске зияли два огромных пролома, кость вошла в мозг. Помочь было невозможно.

– Надеюсь, он мертв? – спросила тетя Маша.

Оля молча кивнула. Не требовалось иметь диплом врача, чтобы понять это. Когда-то она хотела, чтобы он умер. И вот это случилось.

– Ты слышала, что говорил этот мерзавец? – спросила ее тетя Маша.

– Он сказал неправду, – ответила наконец Оля.

Тетя Маша ничего не сказала.

– И тебе не жалко его? Ты же убила его, мам? – спросила Оля, посмотрев на тетю Машу. Та только улыбнулась.

– Совсем не жалко, так ему и надо. Но он точно умер?

– Сомнений нет, ты проломила ему череп. Что же делать теперь?

Тетя Маша улыбнулась еще раз. Ее глаза сверкнули, и она сказала:

– Уж явно не каяться в грехах. Он причинял боль моим детям, а такое не прощается. Но я не хочу провести в тюрьме даже и дня за его смерть, мне надо поднять на ноги Тоню и других. Поэтому нужно замести следы, как говорят преступники в детективах. Ты мне поможешь?

Сначала Оля не знала, что ответить, но потом поняла, что иногда убийство оправданно. Оправданно ли оно в этом случае, сказать с уверенностью не мог никто. Но что сделано, то сделано. Она не судья и не имеет права осуждать кого-то, тем более женщину, вырастившую ее, давшую ей очень многое. Настала пора хоть как-то расплатиться с ней за все добро.

– Да, мама, – ответила Оля. – Я помогу тебе.

– Ну и отлично, дочка! – сказала та, обняла ее и поцеловала. – А винить себя мы будем потом, сейчас надо подумать о детях, только о них.

Они вместе смыли кровь с пола, тетя Маша отмыла вазу, завернула ее в старые газеты и сказала, что завтра утопит в каком-нибудь канализационном люке. Теперь оставалось главное – правдоподобно изобразить несчастный случай. Поэтому пришлось действовать на свой страх и риск. Они отнесли мертвеца к балкону и, предварительно убедившись, что за домом никого нет, перевалили его через перила и сбросили вниз. Тело дяди Саши с глухим стуком приземлилось на асфальт. Место за домом было тихое, туда редко кто заходил, поэтому труп могли обнаружить лишь через несколько часов.

Потом тетя Маша позвала Тоню из спальни. Девочка спросила: «А где же папа?»

– Он ушел, Тоня, – ответила та. – Но пора и нам.

Все вместе отправились на вокзал, чтобы симитировать, что они якобы встречали Олю с поезда. Когда через полтора часа они возвратились, у их квартиры толпился народ и милиция.

– Мария, что произошло, что произошло, – кинулась к ней одна из местных сплетниц.

– Что такое, Валя? – совершенно спокойно спросила тетя Маша.

На ее лице не дрогнул ни единый мускул. Оля и сама чувствовала, что она тоже спокойна, словно и не была свидетельницей и соучастницей убийства.

– Твой бывший-то, – запричитала Валя, – он пытался к вам по балкону залезть, да, видимо, пьян был. Сорвался и упал.

– Он умер? – осведомилась тетя Маша.

– Да, его только что увезли в морг.

Тетя Маша повернулась к притихшей дочери:

– Тоня, ты слышала, папа умер. Несчастный случай, какой кошмар!

– Да, мама, – ответила та. В ее глазах не было страха. – Это несчастный случай.

– Несчастный случай, – повторила и Оля. – Бедный папа!

К такому же выводу пришло и следствие, не уделившее большого внимания смерти забулдыги и дебошира. Туда ему и дорога. Признали, что Александр Федорович Суворов погиб по собственной безответственности, пытаясь проникнуть в квартиру бывшей супруги и сорвавшись с седьмого этажа. Экспертиза была самая поверхностная, никто не интересовался, откуда в ранах на голове покойного мелкие осколки хрустала. Мало ли что валяется на асфальте...

Похороны устроили самые скромные. Оля пробыла дома еще неделю и затем уехала обратно в Ленинград. Учиться в мединституте после произошедшего она не могла. Теперь-то она знала, что специально тогда не выдавала свое присутствие в коридоре, подсознательно чувствуя, что дело идет к убийству. Ей хотелось, чтобы ее приемный отец умер. Так и случилось.

Поэтому, забрав документы из института, она в течение года усиленно готовилась и на следующий год поступила на английское отделение Ленинградского университета. Еще долго она не могла прийти в себя, вспоминая убитого дядю Сашу и совершенно спокойное поведение тети Маши.

Однако постепенно это событие стерлось из ее памяти, только иногда Оля размышляла, смогла бы она когда-нибудь пойти на убийство.

Времени размышлять на эту тему становилось все меньше, она с головой ушла в учебу. Наставали времена перемен.

Инна Советский Союз, 1964—1982

Отец Инны погиб, когда ей исполнилось двенадцать лет. Но до этого были годы счастья. Инна вместе с родителями жила в одном из многочисленных военных гарнизонов на Дальнем Востоке. Ее отец, капитан второго ранга, был подводником и надолго уходил в плавание. Его походы могли длиться полгода, иногда даже девять месяцев, однако ее мама переносила все это стоически.

Крупная и красивая женщина, всегда уверенная в себе, немного грубая и вечно в отсутствие отца курящая сигареты, говорила дочери:

— Каждый сам выбирает свою судьбу, запомни это, Инна. И каждый несет за нее ответственность. Отец сделал свой выбор, ведь мы не можем спускать буржуям все то, что они творят в странах Азии.

Она не то чтобы была ярой коммунисткой, но мощь державы, огромные субмарины с ядерными боеголовками ей, как и всякому другому, внушали гордость за Родину.

Однако у Инны никогда не было с ней теплых отношений. Да, Инна делилась с ней некоторыми тайнами своей жизни и собственными переживаниями, но на самом деле она была дочкой своего отца.

Когда тот, не так уж часто, иногда всего два-три раза в год, появлялся дома, Инна светила от счастья, а отец, бывало, говорил двум сыновьям, что дочка растет настоящим солдатом.

Однако после одного-двух дней его пребывания дома родители уезжали из военного городка куда-то на другой конец страны, к Черному морю, чтобы вместе провести неделю или две, которые выпадали до следующего рейда. И Инна оставалась одна.

Но именно подобные мимолетные встречи с отцом приносили ей счастье. Все то время, пока он отсутствовал, Инна не отставала от своих братьев и других мальчишек — детей военнослужащих. Вместе со всеми она занималась спортом, училась стрелять, а на занятиях по политпросвещению лекторы пытались доказать им, что западная, в частности, американская, система порочна, что США загнивают и что СССР всего через два-три года догонит, а потом и перегонит Америку.

Несмотря на то, что в задачи подводников входило охранять рубежи Родины, некоторые из них, разумеется, не громогласно, выражали свое мнение насчет такого прочищения мозгов. Однажды Инна была свидетелем разговора между двумя офицерами, точнее, один рассказал другому анекдот.

— Слышал последнюю хохму? — спросил один другого. — Брежнев встает на заседании Политбюро и говорит: «Товарищи (тут офицер стал копировать сбивчивую и немного шамкающую речь Генерального секретаря)... Товарищи! Америка стоит на самом краю экономической пропасти, поэтому задача этой пятилетки — догнать ее и перегнать!»

Странно, но другой офицер не выразил протеста, а только рассмеялся.

Спустя несколько лет Инна поняла, что не все так хорошо и гладко в жизни, как это представляли лекторы на занятиях по политпросвещению. Когда она выбиралась в большой портовый город, расположенный недалеко от их военного городка, то там видела, что единственное, к чему стремились практически все жители, — это каким-либо образом провезти из Японии контрабанду, будь то сигареты, поношенная, но продаваемая по жутко высокой цене одежда и иногда автомобили. Причем промышляли этим в основном не обычные люди,

а те, кто имел власть и был облечен большими полномочиями, – чиновники, таможенники, представители партии, посещавшие Страну восходящего солнца.

Как-то Инна задала каверзный вопрос очередному лектору, полноватому усатому человеку, который часа полтора до этого вещал, что НАТО спит и видит, как атаковать рубежи нашей социалистической родины, что в Японии и Франции безработица по двадцать процентов, множество нищих, засилье капитала, а в СССР нет ни одного безработного, все свободны, сыты и счастливы.

– Есть вопросы? – спросил он, вытирая свою лысину большим клетчатым платком.

– Есть, – сказала Инна, даже не поднимаясь с места. В то время ей было одиннадцать лет. – Товарищ лектор, скажите, почему, если у нас все есть, люди в городе пытаются всеми возможными путями что-то провезти из-за границы? Но если там все загнивает и разрушается, то везти оттуда нечего. А ведь правда, и джинсы там лучше делают, и автомобили...

Лектор не ответил, замаяв вопрос, начав опять нудно распространяться насчет того, что наша страна богата и буржуазные государства не выдерживают с ней сравнения.

Однако он сделал какую-то пометку в своем блокноте, и на следующий день маму Инны вызвали в школу. Так как школа располагалась на территории военного городка и все прекрасно знали друг друга, то директор, приятель отца и матери, не предпринял никаких мер против Инны.

– Ты знаешь, – обратился он к матери Инны, – что твоя дочка вчера ввергла в шок лектора из Москвы? Он мне так и сказал, что мы в бастионе советских подводников растим новый диссидентствующий элемент. И потребовал принять меры. Но когда я ему прозрачно намекнул, что он и сам нечист на руку, например, скупил у нас на базаре пар сорок колготок, джинсы, огромное количество банок кофе, то он замолк. Однако все-таки я бы предостерег на твоём месте дочь так открыто выражать подобные мысли, её отцу это когда-нибудь могут припомнить, недоброжелатели есть у каждого, поэтому поговори с ней.

Мама поговорила с ней в тот же день, однако совсем не так, как ожидала Инна.

– Знаешь, дочка, – сказала она, закуривая очередную сигарету и пуская в потолок дым, – ты задала тогда вполне закономерный вопрос. Но ответить на него не может никто. Поэтому лучше не высовываться, у нас таких не любят, особенно здесь, в армии. Хорошо, что ты не слепая, как большинство людей, но учти, что есть тут паршивцы, которые при желании могут отыграться на твоём отце, запомни это. И главное, как я тебе говорила не раз, если ты выбрала свой путь, то иди по нему без оглядки.

Инна запомнила слова матери, поэтому больше не пыталась что-то спросить или возразить на очередной лекции. Она просто не ходила на них, что, разумеется, также учитывалось, записывалось в какие-то секретные папки и потом складировалось в архивах соответствующих служб.

Ее старший брат, Анатолий, пошел по стопам отца, но выбрал не морской флот, а службу в сухопутных войсках. Мама, получавшая от него письма, перечитывала их по нескольку раз в день, однако, когда она была на людях, относилась ко всему со своей вечной саркастической улыбкой и как бы полушутя.

Младший брат, Алексей, был Инне ближе, разница между ними составляла всего год.

И вот пришло время, ранняя весна того злопамятного года, когда отец ушел в очередное плавание. Как потом вспоминала Инна, никто из домашних не испытал какого-то страха, ни у кого не было предчувствия, что они видят его в последний раз.

Хотя именно в день начала похода к матери прибежала ее лучшая подруга Юля и, заливаясь слезами, сказала, что не хочет отпускать в плавание своего мужа, который служил на той же подводной лодке старшим помощником.

– Ну что ты ревешь? – говорила мать, успокаивая ее. – Вот лучшее средство от стрессов, – и она достала свою фирменную настойку на кедровых орехах. – На, успокойся, не последний же раз провожаешь бойца.

– Наденька, не могу я, – причитала тетя Юля, впрочем, она, как отметила Инна, всегда отличалась склонностью к истерикам. – Такое чувство, что больше его не увижу.

– Что за глупости, – отрубила мама, – сколько раз уходили наши в океан и всегда возвращались. А ты такую истерику устроила. Как же твой пойдет, о чем будет думать все месяцы? Юлька, Юлька! Хотя бы постыдилась, надо было ублажать мужа по ночам, а ты наверняка все ночи в подушку проревела.

– Ты что, – сказала Юля, – не слышала, что говорили насчет той подводной лодки? Она просто исчезла где-то около побережья Америки. Раз – и нет восьмидесяти человек. А из наших никто даже не признал, что лодка исчезла, вроде бы все в порядке...

Мама ничего не ответила, так как подобные истории были известны всем. Но о них старались не задумываться.

– Мысль о неудаче – начало неудачи, Юлия, – по-философски ответила ей мама. – Тем более, программу по катастрофам, учрежденную нашим родным правительством и, – тут она прошамкала, – нашим родным и дорогим Леонидом Ильичом, мы выполнили на три года вперед. Так что не беспокойся!

– Ох, Надя, Надя, – рассмеялась Юля, выпивая еще одну рюмку настойки, – теперь ясно, в кого Инка пошла. Но все равно на сердце у меня как-то беспокойно.

И только в апреле, когда от подводной лодки, на которой был отец, почти месяц не поступало никакой информации, а в штабе сухо и скупно говорили, что та выполняет особые задания и поэтому разглашать какую бы то ни было информацию о ней запрещено, поползли слухи, что субмарина пропала.

Прошел еще один месяц, полный тревог, однако в информации родственникам опять отказывали, и только после того, как толпа женщин пригрозила обратиться с открытым коллективным письмом в Министерство обороны, в начале июля им сообщили, что подводная лодка за таким-то номером, имея на своем борту четыре боевых заряда межконтинентальных ядерных ракет, не вышла на связь с базой еще в марте, исчезнув где-то в океане.

Больше никаких сведений не было, все молчали, никто и не заикнулся, что на борту, помимо ракет, находилось еще шестьдесят четыре члена экипажа.

В тот же вечер мама напилась в первый раз. К ней пришла Юля и еще несколько женщин – жены тех, кто находился на этой подводной лодке, и они, практически не разговаривая, молча пили и настойку, и портвейн, и водку.

Именно в тот день Инна поняла, что ее отец больше не вернется. Она переносила это труднее всех, хотя, может быть, мать, про которую она всегда думала, что отец ей если не безразличен, то относится она к нему холодно, тоже страдала. Через две недели, когда Инна заметила, что мама уж слишком часто собирается с подругами и пьет, она положила этому конец. Она прошла в комнату, еле освещенную торшером, где собрались будто не женщины, а тени вокруг стола, взяла бутылки и отнесла их на кухню.

Ее остановил голос матери. В нем сквозило отчаяние:

– Оставь, Инна, зачем ты взяла выпивку! Принеси обратно! Ты слышишь, что я сказала! Принеси!

Однако Инна, повзрослевшая за эти недели, вместе с младшим братом отправила женщин по домам. Алексей, казалось, еще не до конца осознал, что произошло, тем более что официально ничего не было объявлено.

Инна помогла маме добраться до постели, но та, несмотря на то, что была пьяна, не путалась в мыслях.

– Не надо, Инна, – чуть ли не закричала мать, – не надо! Разве ты не понимаешь, что это она убила его?

– Кто, мама? – спросила девочка.

– Она, – зло ответила та. – Эта система!

Помолчав, она добавила:

– Глупо говорить, что я смирилась бы, если б он погиб, выполняя свой воинский долг. Но если бы никто не отшивал нас в штабе, если бы никто не смотрел презрительно и с отвращением на нас, жен погибших подводников... Да, не спорь! Погибших! Но даже в этом советская власть отказала мне – считать мужа погибшим! Они не хотят позориться перед миром, нанести ущерб своему военному престижу и официально объявить, что подводная лодка затонула где-то в океане. Как же, мы не можем демонстрировать свои ошибки, мы же непобедимы, – так думают ЭТИ. Поэтому считается, что лодка просто пропала, ушла и не вернулась в порт...

– А может, – начала Инна, – у них поломка, и они просто задержались, может, это спецзадание?

Мама впервые за многие годы обняла ее и сказала:

– Нет, Инна, мы должны смотреть правде в глаза. Горючее у них кончилось уже три месяца назад. Они погибли...

Тут впервые Инна увидела, как ее мама, которую она всегда считала сильной, плачет. Это были слезы отчаяния, она оплакивала не только того, чьей женой была двадцать лет, она оплакивала всю свою жизнь.

Инна не успокаивала ее, понимая, что сказать нечего. Она еле сдержалась сама, чтобы не присоединиться к матери. Однако надо быть сильной. Всегда сильной. Всегда...

Прошло около полугода, когда Инна наконец-то заметила перемены к лучшему в поведении матери. Та, до этого постоянно пребывавшая в сумрачном настроении, замолкавшая на полуслове и все еще питавшая какие-то нелепые надежды, теперь окончательно смирилась с мыслью, что муж погиб. После этого, словно компенсируя месяцы бесполезных слез и апатии, она принялась требовать отовсюду хотя бы официального подтверждения, что подлодка, где находился ее муж и другие члены команды, затонула в океане.

Она даже возглавила Комитет жен погибших подводников, стала его председателем и принялась бомбардировать Москву и область письмами, жалобами, записывалась на прием к каждому мало-мальски значимому чиновнику. Это никак не могло понравиться властям. На митинге, посвященном Седьмому ноября, один из крупных чинов заметил, что Родина помнит своих героев, а когда присутствовавшая на этом помпезном мероприятии мама попыталась что-то возразить, ее просто вытолкали вон.

Наконец настал день, когда к ним пришел заместитель начальника военного городка, чтобы побеседовать и образумить ее.

– Проходи, Виктор, – сухо сказала ему мать.

Инна была в соседней комнате, предполагалось, что она занимается уроками. На самом деле ее успеваемость оставляла желать лучшего, но и учителя, и ученики старались не трогать ее из-за бешеного, вспыльчивого характера, который, прорвавшись однажды сквозь флегматичность, мог привести к трагедии. Брата Алексея не было дома, гибель отца он переживал тяжело, но это быстро прошло. Теперь у него появились друзья и подруги, и он по вечерам проводил время с ними.

– Ну что тебе сказать, Надежда, – произнес заместитель начальника после некоторой паузы. – Я сделал все, что мог.

– И что же именно, Виктор? – спросила та ровным голосом. Затем раздалось чирканье спичек. Инна поняла, что мама закурила. Теперь ей не хватало и двух пачек в день, но на все

уговоры дочери бросить это занятие она отвечала отказом, говоря, что так ей легче. Инна знала, что такой ровный тон предвещает бурю.

– К сожалению, ничего не удалось добиться, – ответил Виктор. – Но ты не отчаивайся, пенсию вам будут платить, вот только вопрос с жильем не урегулирован...

– Так, так, – произнесла мама, – значит, вы собираетесь выселить нас? Нас, жен и детей тех, кто по вашей милости теперь в стальном гробу гниет где-то на глубине трех километров?

– Ну не надо так, – мирно попросил ее Виктор.

Мама захотела что-то возразить, но ее заставил остановиться на полуслове приступ кашля. Инна обеспокоенно припомнила, что это уже не первый раз, прямое следствие чрезмерного курения.

– Не надо! – услышала она ее голос. – Мне лучше, лучше! И это тоже из-за вас, из-за вашей тупости, из-за вашей бюрократии...

– Хорошо, – не выдержал заместитель начальника. – Я не для того пришел, чтобы выслушивать твои обвинения. Совсем не для того. Учти, Надежда, несмотря на то, что мы с покойным твоим мужем учились вместе и друзьями были, я против воли партии и товарищей не пойду.

– И что же партия вместе с товарищами предложила, что вы там выработали, на собрании? – спросила мама. Кашель по-прежнему не оставлял ее. – Единственное, что я могу предположить, – это выселить нас, иждивенцев, с территории городка.

– Все не так, как ты себе представляешь, – ответил Виктор. – К нам прибывают новые кадры, военные с женами, им требуется жилье, и, соответственно...

– Мы должны выметаться отсюда, все понятно, – сказала мама. – Интересно, эти молодые кадры подозревают, что вы ради идиотского престижа, ради какой-то мертвой идеи так же легко отправите их ко дну и от мертвых затем откреститесь, а жен с детьми выгоните к чертовой матери? Они знают, что вы такие сволочи, Витя?

– Перестань! – оборвал ее заместитель начальника. – Свои штучки алкоголички держи при себе! Если бы вели себя по-человечески, права не качали, на нас телеги не писали, то вас бы оставили, а так никому вы, сучки, здесь не нужны, ты это хорошо поняла?

– Я – хорошо, – ответила мама, снова чиркнув спичкой. – Что отворачиваешься, подводник? Бережешь легкие? Ты, кстати, когда в море последний раз выходил, небось лет десять назад, а так окопался в горах бумажек и стратегических планов? Знаешь, что я тебе скажу? Мне терять больше нечего, есть тут пара корреспондентов из западных журналов и газет, а один вроде бы на «Голос Америки» работает. Слышал о такой волне, Витя? Так вот, если вы нас отсюда выбросите, то весь мир узнает, какое брехло товарищи Брежнев и Устинов и все военное командование, как оно легко кидает своих людей и даже не выделяет их вдовам и детям угла в казарме.

– Ты это оставь, Надежда, я говорю по-хорошему, – произнес с угрозой заместитель начальника городка. – Сделаешь так, тебе придется очень туго, и не только с квартирой. И поедешь в свой Израиль, – с ударением на последнем слове завершил он. – Подумай о старшем сыне, карьеру ему испортишь, да и младшенькие небось хотят учиться в каком-нибудь вузе, а вот если у них мамаша будет сидеть за клевету или, того хуже, шпионаж, то их возьмут разве что помойки чистить.

Послышалось, как чиркнула еще одна спичка. Это была третья сигарета за десять минут.

– Приму к сведению, Витя, – ответила мама. – Не забыл еще про хорошие времена, как мы вместе начинали, как ты был лучшим другом моего мужа? Видимо, забыл. Спасибо за дружеский совет, приму к сведению. Постой, вот что еще. Давно хотела тебе сказать, но все время пыталась переубедить себя, что это не так...

Тут ее голос взвился вверх, она закричала:

– Ты гнида, Витя, гнида, понимаешь? Ты не его предаешь, ты себя предаешь. Вот так же сдохнешь, и твоих попрут.

– Я так не сдохну, – ответил тот, хлопая дверью.

Инне пришлось снова успокаивать маму, та, прежде всегда уравновешенная, в последнее время сильно изменилась и издергалась. Взяв еще одну сигарету, она сказала:

– Ну что, Инна, убедилась, как они нас любят? Использовали и выбросили. Как последнюю шлюху. Запомни, верить этой власти нельзя, обманет, подомнет под себя и сожрет.

Успокоившись, она добавила:

– А может быть, и правда в Израиль, – с ударением на последнем слоге, – махнуть?

После этого разговора Инна почувствовала, что отношение в школе к ней тоже переменялось. В классе ее если и уважали, то только за то, что она могла постоять за себя, причем Инниной силе и ловкости мог позавидовать каждый сверстник. Но, задавшись целью избавиться от тех, кто недоволен режимом, власти стали претворять это в жизнь. Скоро из Комитета жен погибших подводников почти никого не осталось, бывшие подруги перестали ходить к ним в гости, зато семьям было позволено по-прежнему жить в городке. Инна видела, что мама не винила знакомых, у женщин были дети, и они делали то, что считали нужным. Но сама она решила не сдаваться. Те, кто бросил ее мужа, предал и просто забыл, вычеркнув из списков, по ее мнению, должны заплатить.

Первые признаки того, что буря надвигается, Инна заметила, заканчивая девятый класс. Ей ясно указали на то, что ее знания минимальны, учиться дальше не имеет смысла, одним словом – что она тупица.

Инна знала, что учителя тоже люди подневольные, но некоторым, казалось, доставляло особое удовольствие исполнять приказы сверху и «топить» неугодную ученицу.

И именно в этом возрасте Инна впервые поняла, что может нравиться. От отца она унаследовала рыжеватые волосы, которые теперь вились, спадая ей на плечи. Спортивная фигура одновременно была женственной, а от ежедневных тренировок она только приобрела еще более идеальные формы. Некоторые одноклассники уже пытались оказывать Инне знаки внимания, но она не реагировала на них. Как и всем, ей хотелось любви, однако то, что она наблюдала вечером в заброшенных местах городка или в подъездах пятиэтажек, расположенных рядом, было грубо, примитивно и противно.

Она вовсе не была ханжой. Инна помнила наставления мамы, что свои недостатки надо использовать против своих врагов, а не против себя. Если, конечно, считать привлекательность недостатком.

Как-то раз, во время очередного смотра, к ним в городок приехала важная комиссия, возглавляемая каким-то сановным контр-адмиралом, жирным и с большой проплешиной на башке. Одним из объектов, которые посетили проверяющие из Москвы, стала школа, где, разумеется, был проведен показательный урок истории с картой военных действий, вывешенной на доске, с цветущим учителем, от волнения неправильно выговаривавшим слова «контрудар» и «рекогносцировка».

Адмирал занял место на первой парте, вроде бы внимательно следя за объяснениями историка и заученными и нудными ответами отличников и хорошистов, которых учитель якобы наугад выбирал из тех, кто тянул руки и опять же якобы страстно хотел ответить на поставленный вопрос. На самом же деле Инна с самого начала заметила, как похотливый взгляд этого адмирала скользнул по классу, причем задержался именно на ней. Она знала таких мужчин – некрасивых, переживающих последний всплеск сексуальной активности перед полной импотенцией, жирных, облеченных большой властью. Такие встречались и в городе, они проносились по центральным улицам в длинных черных «ЗИЛах» или «Волгах»,

перед ними все были обязаны расступаться. В общем, начальство. Те, от кого зависит судьба многих людей.

– Великолепно, великолепно, – похвалил адмирал урок, к концу которого он чуть было не заснул. – Сразу видно, что вы воспитываете в школьниках настоящий дух военного братства и доблести нашей армии. А теперь я хотел бы познакомиться с классом, с теми, кто придет нам на замену лет через двадцать-тридцать.

Инна про себя хмыкнула, думая, что этот старый пенёк слишком много времени отпускает себе для активной деятельности.

Свита, состоявшая из молодых, но тоже уже жиреющих штабных офицеров, тихо зашумела:

– Макар Ильич, нам надо на прием в облисполком, и вообще, это не предусмотрено...

– Замолчать! – по-военному лаконично отрубил Макар Ильич, не терпевший возражений. – Как говорит Леонид Ильич, главное – это наши дети, поколение двадцать первого века. Я быстро, только познакомлюсь с классом.

Было видно, что его особенно заинтересовали девушки, он подходил к каждой, спрашивал, кем она хочет быть, а при этом его маслянистые глазки ощупывали фигуру, мысленно раздевая.

Когда он приблизился к Инне, на его когда-то привлекательном лице, теперь изборожденном морщинами из-за излишеств и сидячего образа жизни, отобразился живейший интерес. Он, казалось, даже подтянулся.

– А тебя как зовут, деточка? – приторно спросил он. Тут же суетился историк, бормоча, что вот здесь отличница Лена, тут чемпионка школы по шахматам Катя.

– А это Блажко, – бросил он, только взглянув на Инну. – Так сказать, недоглядел педагогический коллектив. Троечница, и вообще...

– Что значит «вообще»? – рявкнул адмирал, беря своей горячей ладонью руку Инны. – Товарищ преподаватель, как зовут девочку, или вы, как в царские времена, по фамилии тыкаете?

– Инна, – прошелестел учитель, пропадая за плотной толпой свиты, обступившей девушку и адмирала.

– Давно бы так, – кивнул тот. – И запомните, если ребенок плохо учится – это вина преподавателя, не все объяснил, не все рассказал. Инна, – обратился он к ней, – ты, наверное, спортсменка и комсомолка, только вот не отличница, кем хочешь быть?

– Гляциологом, – ответила та, видя, что старик уже мысленно начал насиловать ее. Свита и сам адмирал рассмеялись, из присутствующих никто не знал, что такое гляциолог и с чем это едят.

– И красива, и умна, а вы говорите, троечница, – протянул адмирал. Потом он кивнул одному из своих подчиненных, высокому офицеру с надменным выражением лица. Тот, опустив глаза, пошел к выходу.

Адмирал поспешил на прием в облисполком.

Когда он скрылся, историк начал занудно ругать Инну за то, что та посмела нахамить важному гостю, ей это не простится, это еще один шаг в пропасть...

– Да летите вы туда сами со своей историей, – сказала она и под ехидные и изумленные взгляды одноклассников, собрав вещи, убежала с урока. Ей было все равно, к чему приведет ее поступок, но терпеть угрозы она не могла.

Урок еще не кончился, в коридоре было пустынно, там находился только один человек – тот самый офицер из сопровождения почетного гостя. Увидев девушку, он улыбнулся и подошел к ней.

– Инна, – обратился он к ней, – подожди секунду, у меня есть к тебе дело.

Инна остановилась. Она видела, как глаза этого мужчины тоже пожирают ее фигуру, замирая на выпуклостях бюста, который она вопреки правилам школы обтягивала модной водолазкой. Она сразу поняла, в чем дело. По глазам офицера было видно, что он хочет ее.

– Макару Ильичу понравилось твое остроумие, – сказал он. – Кстати, хорошо, что пока в коридоре никого нет, есть время поговорить. Понимаешь... – Его глаза опять скользнули по ее фигуре, а Инна в ответ уставилась ему прямо в ширинку, офицер беспокойно посмотрел вниз, а потом придвинулся ближе. – Понимаешь, – проговорил он, – всегда есть шанс получить что-то очень выгодное в обмен на... И Макар Ильич хочет... Я вижу, ты девушка понятливая, так вот...

– Он хочет, чтобы я переспала с ним, – спокойно сказала Инна, глядя в глаза офицеру.

Того нисколько не смутили столь откровенные слова, он продолжил:

– Хорошо, что ты на самом деле сообразительная. Учти, за это ты можешь получить многое.

– Макар Ильич тоже – лет семь тюрьмы за совращение малолетней и изнасилование, – нежно ответила она. – Не пугайтесь, это тоже мое остроумие. Но учтите, что за все надо платить, бесплатно, «на благо Родины», не получится. У меня свои условия.

– Конечно, – заверил ее офицер. – Люблю умных. Может, после старика зайдешь и ко мне?..

– Говорите, где и когда, – оборвала его Инна. Это был торг, она продавала свое тело, желая в виде платы получить право остаться в городке. Податься им с матерью и братом было некуда. А Макар Ильич, если его как следует ублажить, решит все в два счета. Не надо упускать свой шанс.

– Так что насчет нас? – осведомился офицер, которого в Москве наверняка ждала жена с парой детишек. Но в командировке как не разгуляться?

– Вам нечего мне предложить. Кстати, я же сказала, что хочу стать гляциологом, а не гетерой, так что у нас с вами ничего не получится, – произнесла Инна, записывая номер комнаты в элитной гостинице в центре.

В этот момент прозвенел звонок, и из классов высыпали орущие дети. Началась перемена.

Вечером, когда уже стали сгущаться сумерки, она пошла к гостинице для высоких гостей, в которой остановился Макар Ильич. Оказалось, внутри этот отель разительно отличается от чопорного внешнего вида – тут и там сновали горничные, похожие больше на девиц легкого поведения, откуда-то сбоку доносилась музыка, причем такая, которую не одобряло родное правительство. Это был ночной бар, где, как выяснилось, полно не только партийных чинов, весело проводящих время в командировке, но и различного рода спекулянтов, фарцовщиков, тех, кто умеет вовремя и подешевле достать для «слуг народа» какой-нибудь пустяк – шубу для жены, аккумулятор для «Мерседеса» или колечко с бриллиантом.

– Вы куда прете? – спросил ее администратор гостиницы с воинственной интонацией.

– Мне в номер двести пятьдесят четыре, – ответила Инна. В этот вечер она выглядела еще более сексуально и соблазнительно, чем всегда. – К Макару Ильичу.

Администратор по внутреннему телефону связался с номером, что-то сказал, потом расплылся в улыбке и, повернувшись к Инне, произнес:

– Пажалста, так сказать, проверки на дороге. Счастливого вечера. – И его бегающие глаза уперлись ей в грудь.

На лифте она поднялась на шестой, самый элитный этаж, где проживали только VIP-персоны. Номера здесь были просторнее, в коридоре сидела немолодая тетка, читавшая какой-то заграничный журнал. Увидев ее, она отложила его в сторону, и Инна заметила, что это порнографическое издание с обнаженными красавцами.

– Вы к Макару Ильичу? – уточнила тетка, сверкая золотом зубов. – Вас ждут...

Девушка подошла к двери красного дерева и постучала. Раздалось какое-то шуршание, и дверь плавно открылась. На пороге ее приветствовал сам Макар Ильич. Он был домашнему облачен в длинный махровый халат, через который выпирало его пузо и в вырезе виднелась волосатая грудь. Увидев Инну, он широко улыбнулся:

– Ага, будущий, как ты сказала? Гинеколог?

– Гляциолог, – поправила его Инна и прошла внутрь. Роскошный номер состоял из двух комнат, в одной располагался кабинет адмирала, в другой была его спальня. Именно в последнюю комнату он и провел Инну.

В спальне был сервирован небольшой стол, на нем красовались дефицитные продукты и не менее дефицитное иностранное спиртное.

– Ты что будешь, у меня есть виски или, может быть, предпочитаешь ликер? – спросил он у Инны, наливая что-то в рюмки.

– Предпочту сок, если у вас имеется, – ответила она. – Я веду здоровый образ жизни.

У контр-адмирала был и сок, используемый им, конечно, для того, чтобы запивать водку. Через несколько минут, когда он успел порядочно принять на грудь, покрасневшись и часто задышав, он повернулся к Инне и произнес:

– Ну что, деточка, надеюсь, ты поняла, зачем пришла ко мне?

Он уже был готов повалить ее на кровать, но Инна остановила его:

– Товарищ контр-адмирал, один из ваших подчиненных, который заманил меня к вам, сказал, что это будет честная торговля. Я отдаю вам свое тело, а вы тоже делаете мне подарок.

– Разумеется, хорошая ты моя, – засуетился Макар Ильич. – Что ты хочешь, говори. Могу подбросить тебе денег или кое-какие шмотки, такие, что их даже в Москве днем с огнем не отыщешь.

– Я предпочитаю дом, Макар Ильич, – ответила Инна. Она понимала, что тот с каждой секундой распаляется больше и больше, но именно из-за этого он должен пойти на ее условия. – Меня и мою семью выгоняют из собственного дома. После того, как отец пропал с подводной лодкой, никто не хочет связываться с вдовами и их детьми.

– Хорошо, хорошо, – пообещал Макар Ильич. По его лицу было видно, что ему не до того. – Давай начнем, потом все выясним.

– Нет, мы выясним все с самого начала, – оборвала его Инна.

Она села в кресло, положив ногу на ногу, так, чтобы контр-адмирал мог пожирать ее глазами, но не более того.

– Позвоните и отрегулируйте этот вопрос немедленно. Мужчины любят забывать свои пылкие обещания после того, как получают свое.

Макар Ильич чертыхнулся, но все-таки взял трубку телефона. Хватило одного звонка и пяти фраз, чтобы урегулировать проблему. Теперь же, положив трубку, он выглядел победителем.

– Ну что же, товарищ контр-адмирал, – сказала Инна. – Вы честно выполнили свое обещание, теперь дело за мной!

Она подошла к нему и положила руки на его жирные плечи. Макар Ильич кинулся на девушку, мусоля ее своими губами, сжимая ее груди и кусая за живот. Он скинул халат, оказалось, что контр-адмирал под ним голый. Теперь он предстал перед Инной во всей красе. У нее он вызывал только отвращение, свою первую ночь она представляла совсем иначе.

– Как я тебя хочу, Инночка, – бормотал Макар Ильич, повалив ее на кровать. – Ты так похожа на мою младшую внучку Свету, нет, ты в десять раз красивее! – И он начал стаскивать с нее водолазку.

Инна не испытывала ни возбуждения, ни страсти, вообще ничего. Однако, чтобы честно отработать квартиру, она стала изображать экстаз и восхищение неземными ласками старого моряка.

После совокупления Макар Ильич еще несколько минут лежал на ней, восхищаясь и приговаривая, что такого с ним не было давно. Инна хотела спросить – чего именно? Того, что его половой акт дошел до благополучного финала? Но удержалась. Потом она покинула его и пошла в душ смыть с себя следы первой страсти. Макар Ильич хотел последовать за ней, но оказалось, что возраст берет свое, его лимит на этот вечер был исчерпан.

Через несколько дней, когда высокая комиссия отбыла обратно в Москву, их снова навещил заместитель начальника военного городка. Матери Инна, разумеется, ничего не сказала. Та ни в коем случае не приняла бы подобной жертвы и не осталась бы в доме, узнав, что ради этого дочь переспала с контр-адмиралом. Но Инна понимала, что вступает в самостоятельную жизнь, в которой многого нельзя добиться обычными способами. Нужно знать, на что клюют власть имущие, и давать им это, добиваясь своих целей.

– Э, – начал с запинки Виктор, – я по тому самому делу.

– Ну и чем ты можешь нас порадовать? – спросила его мама, как всегда закуривая.

Инна в последнее время заметила, что мама перестала кашлять. Это было обнадеживающим признаком, значит, ничего серьезного с ее здоровьем не происходит. Выглядит она, правда, не совсем хорошо – слишком бледна и часто устает, но это скорее следствие стресса от потери супруга.

– Мы, посоветовавшись, – заговорил Виктор, – решили, что выселять тебя и твоих детей, детей нашего павшего товарища, было бы делом, недостойным советского флота. Поэтому начальство пошло вам навстречу, разрешив остаться на территории военного городка до особого распоряжения.

– Это значит, что вы можете выкинуть нас отсюда по первой своей прихоти, – опять начала мама. Внезапно у нее снова возник приступ кашля, более глубокого и сухого, но она быстро с ним справилась.

– Раз мы пошли на уступки, должна и ты понять, что не можешь жить за наш счет и ставить нам же палки в колеса, – ответил Виктор. – Гнать тебя никто не собирается, но учти, больше никаких поисков истины, хватит!

Мама так и не поняла, почему руководство смягчилось, и приписала это себе.

– Вот видишь, дочка, – сказала она Инне вечером, – они испугались, что я пойду к зарубежным корреспондентам и весь мир узнает о том, какие они заботливые, наши начальники.

– Конечно, они испугались именно этого, – ответила Инна, обнимая ее. – Ты у меня молодец.

Склонившись над ее головой, она заметила, что мать начинает седеть. А это означало, что бороться за жизнь предстоит ей самой.

Несмотря на все угрозы, Инна смогла продолжить свою учебу в девятом классе. Она не знала, что именно смягчило позицию руководства, скорее всего, то, что видный деятель Министерства обороны из Москвы, восхищенный Инной, оказывал ей свое покровительство даже издалека.

Инна поняла, что стать обыкновенной проституткой, которая спит с каждым, кто хоть как-то может улучшить ее положение, она не должна. Подобных женщин на улицах портового города она видела уже многие годы, все они спивались, рано старели, получали от моряков или иных клиентов какие-нибудь болезни, становились объектом травли со стороны милиции. Такого она не хотела.

Ей требовалось большее. Если у нее есть великолепное тело и мозги, то надо приложить все усилия, чтобы выбиться наверх. А для этого придется постараться, ведь времени у нее в запасе максимум лет десять-двенадцать. До тридцати она должна достигнуть всего. И этим всем был даже не Макар Ильич, она не хотела становиться просто любовницей, девоч-

кой по вызову экстра-класса. Надо стараться подняться на самый верх лестницы. Для этого, конечно, придется жертвовать и собой, и особенно другими, но она была готова.

Инна рассудила правильно. В их городе нашлось много влиятельных людей, которые приходили в экстаз, только увидев ее. Что же будет твориться с ними, если они переспят с ней? Однако она поняла, что требовать надо не после, а до, потому что после секса никто уже не помнит, что пообещал смазливой девушке.

А еще надо соблюдать меры предосторожности. Инна не хотела стать матерью в шестнадцать лет, кроме того, никто в военном городке не должен узнать о том, чем она занимается. На их мнение ей было наплевать, но братьям и маме будет больно узнать, что их сестра и дочь не стесняется ради достижения своих целей торговать собственным телом. Она не собиралась быть любовницей молодого лейтенанта, он не мог бы ей ничего предложить. Инна давно поняла, что в этом мире существуют только две вещи, перед которыми все преклоняются, — деньги и власть.

В школе за ней пытались ухаживать сразу несколько ребят, но Инна дала им понять, что они ей неинтересны. Часто люди, чьего общества она искала, те, кто был облечен властью, имели толстые животы, лысины и являлись скрытыми садистами, но это не останавливало Инну. Главное — начать.

Вторым ее любовником стал секретарь райкома КПСС некий Дмитрий Викторович. Это был еще достаточно молодой, где-то лет сорока пяти, мужчина, фигура которого уже утратила на спецпайке свои некогда стройные очертания. Инна поняла, что начинать надо не с самого дна, не со всякого сброда, но и на самый верх она пока соваться не могла. Она встретила с ним на «своей» вечеринке.

Три месяца, которые она провела с секретарем райкома, пролетели незаметно. За это время она смогла познакомиться с массой влиятельных людей города и края, причем со многими в неформальной обстановке. Инна ничего не требовала от Дмитрия Викторовича, тем не менее, словно невзначай, она упомянула, что ее семья живет в крайне плохих условиях. Но инициатива все равно исходила от него, и вскоре он сообщил, что у него есть возможность предоставить им трехкомнатную квартиру в новом доме на окраине города. Инна, понимая, что с каждого надо брать по-разумному, согласилась и отблагодарила Дмитрия Викторовича новым всплеском страсти.

Это был только первый шаг, и она не собиралась долго развлекать простого секретаря райкома, тем более что лимит его могущества оказался фактически исчерпан. Но обменять его следовало на кого-то стоящего, и притом так, чтобы он не затаил на нее обиду. И удачный случай подвернулся во время очередной псевдоримской оргии, которая раз в неделю, на выходные, устраивалась в чиновничьих коттеджах.

Дмитрий Викторович уже прилично набрался и был в хорошем расположении духа. На его даче развлекались еще какие-то мелкие сошки со своими любовницами. Выпив очередную порцию то ли виски, то ли бренди, он сообщил Инне:

— Крошка моя, к нам сейчас придет Борис Спиридонович, надеюсь, он тебе известен?

Инна прекрасно помнила, что главное для любовницы — быть глупой и не соваться в дела. И не показывать, что она умнее своего мужчины. Разумеется, она имела представление о том, кто такой Борис Спиридонович, потому что давно изучила иерархию всего реального и теневого начальства в крае. Борис Спиридонович являлся директором крупнейшего в стране, а также во всей Европе комбината по выплавке алюминия, который находился на территории их области. Он был человеком номер три среди наиболее влиятельных людей края. Это было как раз то, что нужно.

Однако, мило похлопав ресницами, Инна ответила:

— Кто это, Дима, я не знаю, расскажи!

Дмитрий Викторович сообщил ей и новую информацию. Например, Бориса Спиридоновича решили выдвинуть депутатом в Верховный Совет, а это означало... Это означало, что пути вели уже на самый верх, в Москву. Такой случай она не должна была упустить.

Директор алюминиевого завода оказался неказистым и маленьким мужичком, совсем не таким импозантным и представительным, как ожидала Инна. Он выглядел много моложе своих шестидесяти с небольшим лет. Приехал он с двумя девицами, грудастыми и голосистыми и уже порядком пьяными. Они явно надоели ему. И это было очень хорошо.

Когда вся компания основательно набралась, а потом каждый уединился с той, которая ему приглянулась, в одной из комнат дачи, Инна увидела, что Дмитрий Викторович удалился с двумя красавицами, прикатившими вместе с Борисом Спиридоновичем.

Сам он находился в гостиной и умудрялся просматривать какие-то бумаги. Инна поняла, что он не такой простой тип, как Дмитрий Викторович, притом достаточно опасный, и просто так кидаться к нему на шею она не может, он примет ее за обыкновенную шлюху и пошлет куда подальше. Поэтому пришлось импровизировать на ходу.

Одевшись и причесавшись, чтобы выглядеть эстетично и нетронуто среди хаоса и разврата, царившего в коттедже, она отыскала в большой библиотеке Дмитрия Викторовича книгу, посвященную как раз тому самому алюминиевому комбинату, и с невинным выражением лица прошла в гостиную.

Борис Спиридонович, не видевший ее до сих пор, так как она намеренно не появлялась перед ним в полуголом и угарном виде, только поднял свои маленькие глаза, заключенные в роговые очки, презрительно оглядел ее и продолжил молча читать.

Инна была для него очередной хозяйской забавой, распутной девчонкой, совершенно не образованной и темной. Как видно, красота и сексуальность для него не были первостепенными достоинствами.

Инна скромно села в кресло и принялась читать книгу. К сожалению, она оказалась изданной лет пятнадцать назад, и там была фотография старого директора, но Борису Спиридоновичу знать об этом не полагалось. Инна громко воскликнула и потрясенно уставилась на него своими большими, по-детски чистыми глазами.

Тот поднял голову и спросил холодно:

– Девушка, что-то случилось?

– Но этого не может быть! – воскликнула Инна, удивляясь собственному пылу и возмущению. – Вы же Борис Спиридонович Краснов, директор нашего прославленного комбината по производству алюминия.

– Да, – сухо ответил он.

– Это ведь ваша фотография дана в этой книге, – сообщила Инна, поднимая книжку вверх. – Потрясающе, я встретила человека, который так мне нужен!

На книгу Борис Спиридонович отреагировал гораздо активнее, наверное, он был не прочь взглянуть на свой портрет, но удержался, не снисходя до общения со шлюхой.

– Борис Спиридонович, – продолжала Инна, видя, что тот оказался падок на лесть. Если мужчину прельщает не секс, так известность. Всегда найдется, чем его зацепить. – Разрешите представиться. Дмитрий Викторович не говорил обо мне? Я его племянница, Инна. Учусь на журналистском отделении университета, и в задачи моей практики входит написание большого репортажа о выдающихся деятелях нашего края. Я считаю, вы самая подходящая кандидатура для моей будущей статьи.

Борис Спиридонович отложил портфель с бумагами и заинтересованно посмотрел на Инну. Она оказалась не шлюхой и к тому же неглупой. И еще она могла написать о нем статью, а именно стремление к известности, желание видеть свой портрет в каждой газете было ахиллесовой пятой директора комбината.

– Ну что же, Инна, я мог бы вам дать кое-какие наметки для этой статьи, – сказал он. – Например, о том, как я сделал себя...

– Чрезвычайно интересно, – подхватила Инна. – Наверное, вам пришлось преодолевать огромные препятствия, многому учиться, чтобы стать тем, кем вы являетесь сейчас?

Борис Спиридонович понял, что эта девушка – именно та, которая нужна ему. Жена старая, некрасивая, интересуется только внуками, шлюхи, с которыми он иногда спит, грубы, тупы и жадны до денег. Их совершенно не интересует он как человек, и это обиднее всего.

– Разумеется, – с достоинством ответил Краснов Инне. Внезапно он увидел, что она чертовски привлекательна. – Родился я...

Они беседовали около полутора часов, пока не стали появляться другие участники веселья. Инна внимательно слушала Бориса Спиридоновича. Не то чтобы она увлеклась, но, если она хочет стать его любовницей и иметь на него влияние, надо жить его интересами.

Ловко сумев избежать разоблачений со стороны Дмитрия Викторовича, который в два счета мог сказать, что она никакая не племянница ему и тем более не журналистка, Инна попеняла секретарю райкома за тех двух девиц, которые его привлекли. В тот же вечер они мирно разошлись, причем Дмитрий Викторович считал, что инициатором разрыва был он, а Инна не лишала его иллюзий. Единственное, о чем она его потом попросила, – это поддерживать легенду о том, что она учится на факультете журналистики. Тот согласился, и Инна полностью переключилась на Бориса Спиридоновича.

В течение месяца она исправно посещала его кабинет, и единственное, чем они там занимались, – это предавались воспоминаниям о том, как Борис Спиридонович стал великим человеком. Чтобы оправдать свои визиты, Инне пришлось охмурить главного редактора одной из местных газет, что было несложно, и в результате огромная статья с портретом Героя Социалистического Труда, кавалера ордена Ленина и т. д. и т. п., то есть Краснова Б. С., вышла в свет. Инна вечером принесла эту статью в кабинет к Борису Спиридоновичу, тщеславие того было удовлетворено, и дали о себе знать иные желания. Он достал бутылку французского шампанского, чтобы отметить успех. Инна заверила, что своим успехом она обязана только ему, его яркой личности, которой была посвящена передовица, и Борис Спиридонович сдался. Таким образом, Инна стала его любовницей.

Однако Краснову, в отличие от других, того же Дмитрия Викторовича, был нужен не столько секс, сколько понимание, уважение и время. Время для того, чтобы он мог поведать о своей жизни.

Оказалось, что он довольно щедр. Инна, которая поначалу сама не знала, что именно может дать ей Борис Спиридонович, пришла в восторг, когда он преподнес ей какую-то золотую безделушку. С этого и началось. Жена перестала для него существовать, и с тайным ужасом Инна поняла, что Борис Спиридонович никогда не отступится от нее по собственной воле. Несколько раз он заговаривал с ней о том, что хорошо бы развестись со старой супругой и сыграть шикарную свадьбу. Любая девушка была бы счастлива, получив подобное предложение, но Инна понимала, что это только затормозит осуществление ее планов, а может быть, разрушит их вообще.

Брак с Борисом Спиридоновичем предусматривал массу запретов, Инна стала бы его драгоценной игрушкой, он бы любил ее горячо и пылко, а что касается Иннинных чувств – он бы даже и не спросил о них. Посредством такого мезальянса она могла бы мгновенно вырваться из нищеты, стать женой одного из самых влиятельных и богатых людей края, который, не исключено, сумеет сделать и политическую карьеру.

Но Инна не хотела этого. Она не желала терять свободу, и ей следовало донести это до сведения Краснова с наименьшими потерями для его самолюбия. Потому что несколько раз она видела его в разъяренном состоянии, когда он кричал на кого-нибудь из заместителей по телефону, и это было ужасно. Инна не сомневалась, что, будь бедный заместитель перед

ним, Борис Спиридонович удушил бы его или убил ударом в висок. И боялась, что, когда она найдет кого-нибудь, кто сможет дать ей еще больше, чем Краснов, приключится то же самое.

Мама Инны не догадывалась о том, чем занимается ее дочь. Единственное, что могло ее насторожить, были деньги, причем крупные суммы, которыми Инна свободно распоряжалась. Но мать этого не замечала, а младший брат предпочитал тратить деньги, не задавая вопросов. От старшего брата, Анатолия, пришло письмо, в котором тот писал, что у него все в порядке, их часть вроде бы собираются передислоцировать на юг, и это радовало Инну и маму.

Однажды в начале лета, когда Инна закончила десятый класс и ей оставался только один год, чтобы выбрать вуз для продолжения образования, она появилась на даче Бориса Спиридоновича. У них было заведено, что она приходила к нему четыре раза в неделю. Была суббота. Приближался день рождения Краснова, а Инна знала, что у него в такие дни обычно хорошее настроение и именно тогда он предпочитал делать подарки. У нее скопилось уже достаточное количество золотых безделушек, которые – в случае наступления черных дней – могли достаточно долго поддерживать существование семьи.

В доме было слишком тихо, даже подозрительно, что не играла музыка, не слышались трели телефона, которые иногда отвлекали их от занятий любовью, так как Борис Спиридонович обычно говорил, что это может звонить и министр.

Инна прошлась по особняку. В коридоре царил беспорядок, вещи были раскиданы, словно кто-то взбесился и вымещал свою злобу на них.

Ни в кабинете, ни в спальне Краснова не оказалось. Не было его и в гостиной на первом этаже. Значит, он, скорее всего, на втором, если вообще приехал сюда. Обычно он встречал Инну, а теперь даже не вышел на порог.

Только Инна захотела подняться по лестнице вверх, как услышала тяжелые шаги. Борис Спиридонович спускался вниз. Она еще никогда не видела его в подобном состоянии, он был не просто разъярен, он весь дышал злобой, черты его лица искажала гримаса отвращения и гадливости. Заметив Инну, он издал звук, похожий на рычание, и бросился прямо на нее.

Что бы у него ни произошло, это могло закончиться очень плохо для нее. Борис Спиридонович был в ужасном настроении, и Инна не хотела попадаться ему под горячую руку. Увернувшись, она бросилась в смежную комнату, бильярдную, и заперла дверь на замок. Только она повернула ключ, как послышались удары в дубовую дверь, притом такие сильные, что девушка испугалась, не вломится ли он сюда.

– Открывай, Инна! – кричал, срываясь на визг, Борис Спиридонович. Похоже, его любовь испарилась, осталась только ненависть. – Мне все известно, твой любовник Дмитрий Викторович мне все рассказал!

Инна похолодела. Это было самое худшее, что могло произойти. Неужто Дмитрий Викторович из чувства мести или просто из желания доставить ей неприятности рассказал Краснову о том, что спал с ней, что она никакая не студентка факультета журналистики, что Инна готова заниматься любовью с каждым, кто может хоть на немного вознести ее выше. Это был удар под дых Борису Спиридоновичу, удар по его гордости и самолюбию. Такого Краснов ей не простит.

– Ты лгала мне! – продолжал он уже нормальным тоном. У Инны мелькнула мысль, что он успокоился, хотя такого быть не могло. – Ты обдурила меня, притворилась невинной студенточкой, а сама спала со всеми подряд! Ну ты и шлюха!

До сих пор он никогда не оскорблял ее, никогда не позволял себе поднять на нее руку или повысить голос. Но в том, что произошло, была виновата она сама. Надо срочно исправлять ситуацию.

– Боря, – произнесла она, надеясь, что ее тон воскресит прежние отношения.

– Какой я тебе Боря! – взревел тот и нанес еще один сокрушительный удар по двери. Он взял стул или иной предмет интерьера в качестве тарана, чтобы вышибить дверь. О том, что произойдет, если ему это удастся, Инна предпочитала не думать.

Борис Спиридонович продолжал таранить дверь, одновременно поливая Инну грязью. Он не вспомнил ничего хорошего из их отношений. Она ни с кем его не обманывала, он же припоминал все случаи, когда она кому-то улыбнулась, поглядела на другого мужчину или просто сказала кому-то пару ничего не значащих фраз.

Инна даже не пыталась увещевать своего бывшего любовника, это могло подлить масла в огонь. Она молчала и думала о том, как выбраться из комнаты. Окон в ней не было, в противном случае Инна могла бы просто выпрыгнуть в сад. Дверь уже трещала и была готова сорваться с петель. Оставалось одно – защищаться. Здесь стояло несколько стульев, кии, которые могли служить хорошим средством самообороны, плафон от лампы. Инна не собиралась сдаваться на милость победителю, тем более сумасшедшему от ревности.

– Вот я и добрался до тебя! – закричал Краснов.

Последовал сильный удар в дверь, и после этого настала тишина. Затем раздалось нечто, похожее на стон, и послышался удар о пол, словно упало чье-то тело.

Борис Спиридонович больше не атаковал бильярдную, крики тоже смолкли. Инна не понимала, что же произошло. Может быть, это тактический ход, чтобы выманить ее наружу? Но он практически добился своего – ворвался сюда, зачем же ему останавливаться? Краснова не было слышно, и, выждав еще несколько секунд, она выглянула за дверь, готовая тут же нырнуть обратно.

В коридоре, около перевернутого кресла, которое и служило тараном, в неестественной позе лежал Борис Спиридонович. Инна бросилась к нему. Из рта у него стекала струйка крови, глаза были раскрыты и бессмысленно смотрели в потолок. Девушка попыталась нащупать пульс. Его не было. Борис Спиридонович Краснов скончался от инсульта, который произошел от чрезмерных переживаний и слишком бурной активности.

Инна убедилась, что он мертв, и поняла, что помочь ему не в состоянии. Оживить его нельзя. Даже если сейчас же вызвать «Скорую помощь», та приедет минимум через полчаса. Тогда люди узнают о том, что Инна была любовницей Краснова.

Около часа ей понадобилось на то, чтобы привести в доме все в относительный порядок, убрать осколки ваз, стекла, разложить по местам разбросанные вещи. Мертвого Бориса Спиридоновича она усадила за стол, усыпанный бумагами, создавая видимость того, что он скончался, интенсивно работая на благо алюминиевого комбината.

Забрав свои вещи, она ушла с дачи. Инна не испытывала чувства облегчения от того, что сложный узел проблем разрешился таким благоприятным образом. Теперь ее никто не будет преследовать, угрожать ей, третировать. Но и жалости к Борису Спиридоновичу в ее сердце не было, произошло то, что произошло. И это было только ее первое столкновение со смертью в тот жаркий июньский день. Потому что, придя домой, она застала там безмолвие и скорбь.

– Доченька, – сказала ей мама, которая выглядела очень собранной и неестественно спокойной. Только сухой блеск глаз выдавал то, что творилось у нее в душе. – Инна! Только что принесли бумаги...

– Какие бумаги? – спросила Инна, проходя в комнату.

Она не понимала, почему атмосфера в квартире стала какой-то мертвящей. Все было затянуто табачным дымом, который сизым туманом обволакивал предметы, делая их собственными тенями. Мама опять выкурила не меньше пачки.

– Бумаги на нашего Толика, – ответила та будто отстраненно. – Сообщение из министерства о том, что мой сын, младший лейтенант Блажко А. П., пал смертью храбрых, выполняя боевое задание Родины. Их послали не на юг, в Таджикистан, как он сообщал нам, их переправили в Афганистан. И две недели назад, 21 мая 1980 года, он был убит. Как пишет командир, застрелен душманами.

– Этого не может быть, – произнесла Инна, падая на диван. – Этого не может быть...

В глазах матери не было слез, возможно, что она просто не отдавала себе отчета в том, что произошло.

Дни после этого трагического известия тянулись по-особому долго и мучительно. Через два дня состоялись торжественные и пышные похороны Бориса Спиридоновича, который, как сообщали газеты, скончался на шестьдесят третьем году жизни от кровоизлияния в мозг. Причина столь ранней кончины, разумеется, напряженная работа на благо Родины, интенсивное выполнение задач, поставленных перед ним партией, и так далее, и тому подобное.

Похороны старшего брата Инны прошли, разумеется, гораздо скромнее и незаметнее. Его тело доставили в самую жару, в начале июля, в закрытом цинковом гробу, который было запрещено вскрывать.

Мать все рвалась удостовериться, что именно ее сын, ее Толик, покоится в этом прогнившем ящике, но несчастную смогли убедить, что ошибки быть не может и не стоит ей смотреть на то, что осталось от сына через полтора месяца после смерти и в результате транспортировки по жаре.

Инна никак не могла поверить, что старшего брата больше нет. Тогда же ее посетила мысль, что это уже второй удар, нанесенный Родиной их семье. Второй удар по живому человеку. Первым был отец, сгинувший где-то в океане, чья гибель даже сейчас не была официально признана, вторым стал брат, чье тело пришло, но от этого легче не стало. Все произошло ради меркантильных интересов десятка человек, сидевших в Москве, Кабуле и Вашингтоне.

Инна ненавидела их всех, и именно тогда она поняла, что убить – легко. Если бы ей только попался тот, кто отправил ее брата и еще тысячи парней в эту каменистую пустыню умирать ради идеи, геополитики и грошового престижа империи зла... Если бы ей добраться до горла того моджахеда, который лишил ее брата жизни. Если бы...

Именно тогда, в последнее лето детства, Инна решила вырваться из той трясины, которая поглощала ее. Она приложит все силы, чтобы стать богатой, независимой и самой диктовать правила игры. А для достижения этой цели надо планомерно, пусть даже перешагивая через трупы, как она сделала с Красновым, карабкаться вверх. В то лето она поняла многое. И именно тогда в ней пробудилась жестокость, дремавшая на самом дне души.

Следующим этапом ее карьеры стал заместитель начальника местной милиции некто Михаил Иванович Ростецкий. Инна решила стать его любовницей не из-за того, что ей нравился этот коренастый и чрезвычайно самоуверенный человек, про которого говорили, что он заправляет как правоохранительной системой города, так и правонарушительной, то есть имеет самое непосредственное отношение к преступности, проституции, торговле наркотиками. По слухам, ему причитался какой-то процент со всего незаконного оборота, и он смотрел сквозь пальцы на попрание социалистической законности. Инна выбрала его по двум причинам.

Первая, объективная, заключалась в том, что Ростецкий, с одной стороны, имел выход на самый верх партийного руководства края, а с другой – был связан с руководителями преступного мира. И те, и другие могли в дальнейшем понадобиться ей. И вторая, субъективная, причина заключалась в том, что мама решила во что бы то ни стало не пустить своего теперь единственного сына Алексея в армию. Она была готова сделать все, чтобы он не попал в Афганистан или просто в такую часть, где – опять же по темным слухам, которые пресека-

лись, – царили неуставные отношения и в мирное время можно было запросто погибнуть от побоев и издевательств. Инна понимала, что помочь осуществить это может только она, ее умение быть хорошей любовницей. Теперь она смотрела на секс как на профессию, а не просто как на приятное и прибыльное времяпрепровождение. И как в каждой профессии, у нее должна быть возможность сделать себе карьеру на этом поприще.

Михаил Иванович как раз расстался со своей очередной любовницей, изменявшей ему, и Инна решила заполнить собой образовавшийся вакуум.

Дело оставалось за малым – утешить оскорбленного мужчину. Через неделю, когда ненависть ко всему женскому полу улеглась, Михаил Иванович стал обращать внимание на других дам. Скоро Инна стала частым гостем в его пятикомнатной квартире, утешила Ростецкого и добилась того, что ей нужно.

Их отношения длились не очень долго, однако Инна использовала это время с большой выгодой для себя. Как-то вечером, когда Ростецкий, обессиленный, пришел с работы, Инна, приготовив ему романтический ужин, завела разговор о том, что у нее есть брат, единственный брат, и что ей очень не хочется потерять его.

– Так в чем же дело, – спросил Михаил Иванович, насытись и придя в игривое настроение. – Разве он собирается умереть?

Он протянул руки, чтобы схватить Инну, однако та ловко увернулась от него. Она решила, что пока он не выполнит ее просьбу, ни о каком сексе не может быть и речи.

– Все очень просто, милый, – сказала она. – Тебе это ничего не стоит. Я не хочу, чтобы он шел в армию, и ты в состоянии это проверить.

– Ну как же, не так-то все легко, – стал тянуть время Ростецкий, подбираясь к Инне. Халат на нем распахнулся, обнажая его объемистый живот и волосатую грудь. – Как-нибудь потом, а сейчас я хочу...

– А я не хочу, дорогой, – ответила она. – Или сейчас, или больше никогда. У тебя ведь есть власть, ты все можешь...

– Ладно, – ответил Михаил Иванович. – Но ты мне за это должна! – И он бросился на нее, после чего последовали привычные вздохи, поцелуи, закатывание глаз и мнимый экстаз.

Она смогла добиться своего – менее чем через неделю у нее в руках оказался документ, удостоверяющий, что ее брат, Блажко Алексей Павлович, негоден к воинской службе по причине слабого здоровья, к этому прилагалась внушительная медицинская справка с массой подписей и печатей, в ней приводились все заболевания, которыми якобы страдал ее брат.

– Откуда это, Инна? – спросила у нее мама, когда дочь принесла справку домой.

Инна ничего не ответила. Она знала, что мать начинает догадываться о том, где она пропадает по ночам и каким образом зарабатывает деньги. Однако вопросов пока не задавала, каждая играла свою роль: Инна обеспечивала семью, а мама делала вид, что не замечает, как в квартире появляются то новый гарнитур, то японский телевизор. И это был первый вопрос.

– Не все ли равно, мам? – ответил вместо нее Алексей. – Спасибо, сестренка! – И он, поцеловав ее, убежал на улицу к своей компании.

По старой привычке мама закурила, теперь она курила гораздо больше, до сих пор не придя в себя после гибели Анатолия. Казалось, она жила только воспоминаниями и старыми фотографиями, выросших детей для нее не существовало, все было сосредоточено на тех, кого больше не было.

– Ты, похоже, уже все решила за нас! – вдруг едко и как-то странно сказала мама. – Ты думаешь, я не знаю о том, где ты пропадаешь? Думаешь, мне не известно, кем ты стала?

– И кем же? – Голос Инны в пустой комнате звучал гулко и властно. – Скажи, кем я стала?

Ответ матери – краткий и резкий – был похож на пощечину. Инна даже на секунду зажмурилась, когда услышала бранное слово. Но пережить можно все, даже это.

– Шлюхой, ты стала шлюхой, – сказала мать. – И еще пытаешься скрыть от меня, с кем ты спишь. Ты продала себя, готова за деньги, квартиру или спасение брата лечь с каждым подвернувшимся кобелем!

Инна была потрясена, она знала, что ее могут осуждать, могут не любить, но то, что это первой сделает родная мать, не ожидала.

– Мама, как ты можешь? – тихо спросила она. – Ты ведь знаешь, что это совсем не так! Ты почему-то не сопротивлялась, когда мы именно благодаря тому, что я шлюха, получили эту квартиру, когда благодаря тому, что я сплю с первым встречным кобелем, обставили ее... Как ты можешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.